This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

H M
106
L86
1906
MAIN

UC-NRLF

$B 83 014

YC 73337

·FROM·THE·LIBRARY·OF·
·PAUL N·MILIUKOV·

SIGILLVM·VNIVERSITATIS·CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

836
M636
L96

Книгоиздательство „Молодая Россія“.

V Lunkevich
В. Лункевичъ.

N. K. Mikailovskii

Н. К. Михайловскій.

ХАРАКТЕРИСТИКА-ЭСКИЗЪ.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ.

Цѣна 25 коп.

МОСКВА.
1906.

Книгоиздательство «МОЛОДАЯ РОССІЯ».

В. Лункевичъ.

Н. К. Михайловскій.

ХАРАКТЕРИСТИКА—ЭСКИЗЪ.

Съ портретомъ.

UNIV. OF CALIFORNIA

Цѣна 25 коп.

МОСКВА.
Типографія А. П. Поплавскаго, Лялинъ пер., соб. домъ.
1906.

PRESERVATION
COPY ADDED
ORIGINAL TO BE
RETAINED

DEC 8 1993

HM 106
L86
1906
MAIN

Н. К. Михайловскій.

UNIV. OF
CALIFORNIA

«Моего критика очень обижаетъ то обстоятельство, что меня называютъ иногда соціологомъ. Какъ, молъ, такъ —называется соціологомъ, а мундира, присвоеннаго этому вѣдомству, не носитъ и даже всѣ вѣдомства перепуталъ!..»

Н. К. Михайловскій.

I.

Собираясь писать о Михайловскомъ, я не строю никакихъ иллюзій на счетъ характера и значенія своей работы: «новыхъ словъ» изрекать не собираюсь, Америки открыть не надѣюсь, исчерпать все міросозерцаніе Михайловскаго въ небольшой книжкѣ не дерзаю. Напротивъ, слова мои будутъ все «старыя», Америка — давнымъ давно открытая, тема опредѣленная и скромная. Сводится она къ слѣдующему: установить основы соціологическаго міровоззрѣнія Михайловскаго и показать, какъ освѣщалъ онъ связь между біологіей и соціологіей и какъ понималъ отношеніе между методами этихъ двухъ наукъ. Ограничивая такимъ образомъ свою задачу, я оставлю за собою право дѣлать попутно вылазки во всѣ сопричастныя съ выставленной здѣсь темой «вѣдомства».

Дѣло извѣстное, что теорія Дарвина оказала громадное вліяніе на характеръ и развитіе соціологическихъ воззрѣній. Съ одной стороны, сами дарвинисты не удержались отъ вполнѣ естественнаго соблазна распространить свое ученіе на область соціальныхъ явленій, съ другой—соціологи, почувствовавъ въ принципахъ дарвинизма нѣчто безусловно жизнеспособное и творческое, попытались примѣнить ихъ къ объясненію явленій общественной жизни и историческаго процесса. Но и тѣ, и другіе обнаружили при этомъ удивительную прямолинейность мысли: принципы борьбы за существованіе, естественнаго подбора и расхожденія признаковъ были объявлены факторами не только соціальнаго

М21996

процесса, но и соціальнаго *прогресса.* Борьба съ этой именно тенденціей къ прямолинейному мышленію и упрощенному рѣшенію крайне сложныхъ и запутанныхъ вопросовъ общественной жизни составляетъ одну изъ главнѣйшихъ заслугъ нашего соціолога.

Не менѣе извѣстно и то, что какъ органическая теорія общества, противъ которой ополчился Михайловскій, такъ и перенесеніе принциповъ біологіи въ область соціологіи цѣликомъ, между коятся на *аналогіи* между организмомъ и обществомъ, между законами зоологическаго и законами соціальнаго существованія. Отсюда понятно, почему вопросъ о научной цѣнности аналогическаго метода особенно занималъ Михайловскаго.

«Слѣдуетъ помнить,—писалъ онъ еще въ 1869 г.,—что аналогія не можетъ доказать, что въ двухъ аналогируемыхъ обстоятельствахъ дѣйствуетъ одинъ и тотъ же законъ... Роль аналогіи чисто временная и мы должны стараться, по возможности, скорѣе перешагнуть черезъ эту ступень, чтобы стать на болѣе прочную почву» *). Чтобы уразумѣть истинный смыслъ этихъ словъ, необходимо припомнить слѣдующее. Михайловскій придерживался классификаціи наукъ, данной Ог. Контомъ. Въ общихъ чертахъ какъ классификація эта, такъ и основной принципъ, на которомъ она зиждется, остаются до сихъ поръ внѣ конкурренціи: лучшаго въ этомъ направленіи человѣческая мысль еще ничего не придумала. Математика, астрономія, физика, химія, біологія и соціологія—вотъ естественный рядъ наукъ, расположенныхъ *по степенямъ возрастающей сложности подлежащихъ ихъ вѣдѣнію явленій и убывающей общности управляющихъ этими явленіями законовъ.* Каждый членъ этого ряда пользуется данными и обобщеніями всѣхъ предыдущихъ наукъ, но въ то же время онъ заключаетъ въ себѣ нѣчто специфическое, не укладывающееся въ рамки тѣхъ толкованій, которыя вполнѣ достаточны для пониманія явленій, изучаемыхъ науками низшаго порядка. Такъ, законы, выработанные механикой, физикой и химіей, имѣютъ очень широкое примѣненіе въ біологіи; но объяснить полностью всѣ жизненныя явленія только этими законами, свести біологію хотя бы на физико-химію—задача химерическая. Точно такъ же и соціологія, высшій членъ контовской іерархіи наукъ, примѣняетъ къ общественнымъ

---

*) Аналогическій методъ въ общественной наукѣ. Сочиненія, I, стр. 357.

явленіямъ законы, добытые біологіей; но утопить соціологію цѣликомъ въ біологіи—затѣя не менѣе безсмысленная. Говоря иначе: каждая наука имѣетъ свой спеціальный остатокъ, нерастворимый въ обобщеніяхъ остальныхъ наукъ и имѣющій свои собственные законы; и чѣмъ сложнѣе явленія, изучаемыя тою или иною наукою, чѣмъ выше положеніе ея въ классификаціи, тѣмъ спеціальнѣе и свойственный ей остатокъ. Чтобы аналогія, какъ неизбѣжный, хотя бы временный пріемъ изслѣдованія, представляла какую-нибудь научную цѣнность, она обязательно должна удовлетворять слѣдующему условію: *нужно, чтобы она не выходила за предѣлы тѣхъ спеціальныхъ остатковъ, которыми характеризуется каждая данная наука.* Давно уже сказано: comparaison n'est pas raison. Аналогія между явленіями біологическими и біологическими-же, спеціально соціальными и соціальными-же способствовала всегда упорядоченію научной мысли и приводила иногда къ очень важнымъ выводамъ. Такъ, напримѣръ, аналогія между листостебельнымъ побѣгомъ и цвѣткомъ, между конъюгаціей у низшихъ организмовъ и оплодотвореніемъ у высшихъ, между онтогенезомъ (исторія индивидуальнаго развитія организма) и филогенезомъ (родословная его) дала біологіи рядъ блестящихъ, строго научныхъ обобщеній. А къ чему привела, напримѣръ, аналогія между механизмомъ и организмомъ? Къ ряду натянутыхъ, бездоказательныхъ, ничего не объясняющихъ сближеній, которыя раздули искру сомнѣнія въ наукѣ даже у самыхъ непритязательныхъ умовъ и воскресили изъ мертвыхъ блаженной памяти витализмъ. «Совершенно никакой цѣны,—пишетъ Михайловскій,—не имѣетъ аналогія между нѣкоторымъ спеціальнымъ остаткомъ и явленіемъ низшаго порядка или между двумя спеціальными остатками... Такова аналогія между организмомъ—остаткомъ біологіи, и обществомъ — спеціальнымъ остаткомъ соціологіи... Аналогія между борьбой за существованіе въ природѣ и конкурренціей въ обществѣ до извѣстныхъ предѣловъ законна, такъ какъ борьба за существованіе является результатомъ біологическихъ законовъ, которые имѣютъ мѣсто и въ обществѣ. Но не всѣ выводы этой аналогіи будутъ для насъ одинаково обязательны... Конкурренція несомнѣнно зависитъ отъ нѣкоторыхъ чисто біологическихъ законовъ, но общественныя отношенія представляютъ нѣчто, не встрѣчающееся въ остальной природѣ, а потому не невозможно, что конкуррен-

ція въ обществѣ даетъ не тѣ результаты, что борьба за существованіе въ природѣ». И затѣмъ въ другомъ мѣстѣ: «Предметъ соціологіи есть общественность, кооперація, и потому, принимая отъ біологіи законъ борьбы за существованіе, соціологія обязана опредѣлить, какое направленіе принимаетъ борьба подъ вліяніемъ кооперацiи; и если существуетъ нѣсколько типовъ кооперацiи, то какъ вліяетъ каждый изъ нихъ. Она должна прослѣдить эти вліянія не только въ человѣческомъ обществѣ, а и вездѣ, гдѣ существуетъ кооперація, то-есть и въ пчелиномъ ульѣ, и въ муравейникѣ, и въ колоніяхъ низшихъ животныхъ. Добытые такимъ путемъ законы будутъ, дѣйствительно, соціологическіе законы и усмотрѣны они будутъ не съ біологической, а съ соціологической точки зрѣнія» *).

Этотъ рядъ выдержекъ, который при желаніи можно было бы дополнить добрымъ десяткомъ другихъ, тожественныхъ, показываетъ наглядно, какъ представлялъ себѣ Михайловскій связь между такими сосѣдними областями знанія, какъ біологія и соціологія. Значенія законовъ біологіи для соціологіи онъ вовсе не отрицалъ. Напротивъ, все соціологическое воззрѣніе его, какъ увидимъ дальше, покоится на прочномъ фундаментѣ біологическихъ данныхъ и обобщеній. Онъ только настаивалъ на необходимости строго разграничивать сферу компетенціи различныхъ наукъ, онъ энергично протестовалъ противъ неудачнаго и незаконнаго вмѣшательства біологіи въ сферу спеціально общественныхъ явленій. А это далеко не одно и то же. Признавая законной связь между наукою о жизни и наукою объ обществѣ, Михайловскій не только сумѣлъ ясно формулировать ее, но и указалъ въ точности тѣ границы, гдѣ кончаются полномочія біологіи и начинаются автономныя права соціологіи. Это прежде и лучше всего обнаружилось въ данной имъ характеристикѣ *методологическихъ пріемовъ* точнаго естествознанія и соціологіи. Я говорю о «субъективномъ методѣ», научную цѣнность котораго такъ энергично отстаивалъ Михайловскій на протяженіи многихъ лѣтъ, нерѣдко возбуждая противъ себя то недоумѣніе, то негодованіе.

Возможно ли абсолютно «объективное» изученіе соціальныхъ явленій? Доступна ли для человѣка хотя бы такая же «объектив-

---

*) Ibid., стр. 361, 362, 381.

ная» оцѣнка фактовъ общественной жизни, какую онъ примѣняетъ по отношенію къ явленіямъ окружающей природы? Возможно ли при изученіи соціальныхъ явленій всецѣло отрѣшиться отъ того, что Михайловскій называетъ «предвзятымъ мнѣніемъ»? Обращаю вниманіе читателя на слѣдующее: выраженія Михайловскаго— «предвзятое мнѣніе» и субъективный элементъ въ соціологіи» нужно понимать какъ *субъективизмъ антропоцентрическій*, а не произвольно-индивидуальный.

Нелицепріятное, объективное изученіе той или иной группы явленій предполагаетъ въ изслѣдователѣ отсутствіе «предвзятаго мнѣнія» или, если хотите, наличность тенденціи видѣть вещи такъ, какъ онѣ есть, а не такъ, какъ ему хотѣлось бы ихъ видѣть. Нечего и говорить, что всякій добросовѣстный ученый стремится постигнуть вещи именно такъ, какъ онѣ есть, ищетъ возможно объективнаго знанія; и тѣмъ не менѣе предвзятое мнѣніе вторгается, помимо воли и сознанія изслѣдователя, въ процессъ его работы,— и не только вторгается, но часто *направляетъ* ее въ ту или иную сторону, а иногда и *предопредѣляетъ* характеръ тѣхъ выводовъ, къ которымъ онъ приходитъ. Исторія естествознанія, науки, сравнительно мало задѣвающей сокровенныя пружины человѣческой души, подтверждаетъ это на каждомъ шагу. Два натуралиста сводятъ жизненный процессъ либо къ дѣятельности ферментовъ, либо къ обмѣну веществъ въ бѣлковыхъ соединеніяхъ, смотря по характеру исповѣдуемыхъ ими теорій, въ зависимости отъ того «предвзятаго мнѣнія», съ которымъ каждый изъ нихъ приступаетъ къ изученію занимающей его темы. Два біолога, изъ которыхъ одинъ склоненъ признавать наслѣдственность пріобрѣтенныхъ признаковъ, а другой отрицаетъ таковую, различно толкуютъ одни и тѣ же факты: первый подыскиваетъ для нихъ объясненіе въ духѣ дорогого ему «предвзятаго мнѣнія», другой дѣлаетъ то же самое во имя противоположнаго «предвзятаго мнѣнія». Два микроскописта, изслѣдуя одинъ и тотъ же препаратъ, видятъ въ немъ нерѣдко лишь то, что имъ диктуетъ «предвзятое мнѣніе» каждаго изъ нихъ. Такъ, напримѣръ, по Бючли, всякая протоплазма и всякое ядро состоятъ изъ «ячеекъ», а для Альтмана содержимое любой клѣтки разрѣшается въ цѣлый микрокозмъ зернышекъ или грануль. Очень возможно, что и оба натуралиста, и оба біолога, и оба микроскописта одинаково стоятъ на ложномъ

пути; но возможно, что правъ который-нибудь изъ каждой пары изслѣдователей. Не въ этомъ дѣло. Для насъ важенъ лишь фактъ существованія «предвзятаго мнѣнія», то-есть безспорно *субъективнаго* элемента въ теоретическихъ построеніяхъ естествовѣдѣнія вообще и біологіи въ частности. А если это вѣрно, то можно ли удивляться тому обстоятельству, что въ соціологическихъ построеніяхъ, то-есть тамъ именно, гдѣ индивидуальные, групповые, сословные, классовые и общечеловѣческіе интересы вплетаются въ процессъ изслѣдованія на каждомъ шагу, «предвзятое мнѣніе» играетъ несравненно большую роль? Гораздо удивительнѣе было бы обратное, ибо отрѣшиться отъ «предвзятаго мнѣнія» при изученіи явленій общественной жизни—все одно, что *отказаться отъ всего своего интеллектуальнаго и моральнаго сознанія*. На такую операцію полнѣйшаго самоопустошенія не способенъ ни одинъ человѣкъ, и менѣе всего способенъ тотъ, кто считаетъ себя призваннымъ не только дисциплинировать калейдоскопически-пестрый хаосъ общественныхъ явленій, но и осмыслить ихъ, направить по пути къ осуществленію *должнаго*, т.-е. нравственнаго, справедливаго. Естествоиспытателя можетъ вполнѣ удовлетворить одна лишь правда-*истина*. Соціологу этого мало: ему нужна и правда-*справедливость*. Онъ не станетъ калѣчить и фальсифицировать истину во имя справедливости; но онъ не удовлетворится и такой формулой справедливости, которая не согласуется съ истиной и построена, стало быть, на пескѣ. Что и говорить! Понятія истины и справедливости, которыми руководствуется соціологъ, въ значительной степени опредѣляются его «предвзятымъ мнѣніемъ» на этотъ счетъ, мнѣніемъ, которое въ свою очередь связано тысячью невидимыхъ нитей съ условіями возникновенія, роста и развитія всего его психическаго міра. Но опять-таки не въ этомъ дѣло. Важно лишь то, что субъективный элементъ въ соціологіи еще болѣе неизбѣженъ, чѣмъ, напримѣръ, въ біологіи, и что въ первой изъ этихъ наукъ онъ обусловливается не столько интеллектуальнымъ, сколько моральнымъ сознаніемъ изслѣдователя. «Вотъ двѣ книги,—пишетъ Михайловскій:—одна трактуетъ о явленіяхъ природы, другая—о явленіяхъ общественной жизни. Одна написана спокойно, безстрастно нацѣпляетъ фактъ на фактъ и безпрепятственно доходитъ до обобщенія. Въ другой не то. Вы видите, что человѣкъ захлебывается тѣми ощу-

щеніями, которыя возбуждаются въ немъ процессомъ передачи мысли; вы можете чуть не по каждой строкѣ судить о біеніи пульса писавшей руки; человѣкъ любитъ, ненавидитъ, смѣется, плачетъ; вы можете разглядѣть слѣды желчи и слезъ на бездушной бумагѣ. Изложеніе сбивчиво, неровно, рядомъ съ чисто-научною мыслью стоитъ ѣдкая полемическая выходка, вызовъ врагу, улыбка торжества и презрѣнія; тамъ опять безспорное наблюденіе, безспорный выводъ и опять дрожь и замираніе субъективныхъ взрывовъ!..» *) Это—драгоцѣнныя строки, хотя натуралисту и отведено въ нихъ ужъ слишкомъ много олимпійскаго спокойствія и величаваго безпристрастія, что не совсѣмъ справедливо, конечно, ибо и ему не возбраняется «любить и ненавидѣть», увлекаться «ѣдкою полемическою выходкою», бросать «вызовъ врагу», выражать «торжество и презрѣніе». И тѣмъ не менѣе, повторяю, это—драгоцѣнныя строки: въ нихъ блестяще обрисованъ процессъ вторженія «правды практической земли» въ работу самоотверженнаго искателя «правды теоретическаго неба», въ нихъ, какъ нельзя лучше, показана роль субъективнаго элемента въ изслѣдованіяхъ соціолога. Я знаю другое, не менѣе замѣчательное въ этомъ отношеніи, мѣсто у Михайловскаго, и не могу отказаться отъ желанія напомнить его читателю, тѣмъ болѣе, что здѣсь особенно ярко оттѣняется характеръ того «субъективнаго элемента», значеніе котораго такъ велико въ соціологіи. Указавши на роль сочувственнаго опыта въ человѣческихъ отношеніяхъ, Михайловскій продолжаетъ: «Сочувственный опытъ вмѣстѣ съ опытомъ личнымъ, комбинируясь извѣстнымъ образомъ, входитъ въ наше психическое содержаніе и, *на ряду съ категоріями истиннаго и ложнаго, установляетъ категоріи пріятнаго и непріятнаго, желательнаго и нежелательнаго, нравственнаго и безнравственнаго, справедливаго и несправедливаго.* Отрѣшиться отъ этой стороны эмпирическаго содержанія нашего *я* столь же невозможно, какъ произвольно вычеркнуть изъ своей памяти какія-нибудь знанія. Поэтому комбинація ощущеній и впечатлѣній, составляющая предвзятое мнѣніе, съ которымъ человѣкъ приступаетъ къ какому бы то ни было изслѣдованію, *въ области общественныхъ отношеній осложняется нѣкоторымъ новымъ элемен-*

*) «Что такое прогрессъ?» Соч., I, стр. 64.

томъ, элементомъ нравственнымъ. Вотъ почему Контъ былъ правъ, утверждая въ своемъ курсѣ философіи, что «только тѣ могутъ съ успѣхомъ заниматься соціологіей, чей нравственный уровень достаточно высокъ»... Случайно прорвавшееся у Конта положеніе не подлежитъ никакому сомнѣнію. Дѣйствительно, Бэконъ-предатель, взяточникъ, клеветникъ и вмѣстѣ великій мыслитель о природѣ возможенъ,—фактъ на-лицо. Но Бэконъ-великій соціологъ немыслимъ» *) (Курсивъ мой).

Послѣднія слова о немыслимости Бэкона-великаго соціолога выдвигаютъ на очередь еще одинъ существенный вопросъ.

Мы видѣли, что устраненіе субъективнаго и при томъ совершенно опредѣленнаго, моральнаго, элемента изъ соціологіи невозможно. Но спрашивается, какъ понимать эту невозможность: есть ли это *неизбѣжное зло* или, наоборотъ, *необходимое благо*? Соціологія ставитъ себѣ задачею установить законы общественнаго устройства и развитія. Но это еще не все: у нея есть и *цѣли—нормировать общественныя отношенія, согласно опредѣленному соціальному идеалу. Телеологическій элементъ въ соціологіи не только неизбѣженъ, но и необходимъ*.

Не разъ уже, сопоставляя методологическіе пріемы соціологіи съ таковыми же пріемами біологіи, указывали на то обстоятельство, что въ біологіи ученіе о цѣляхъ всегда придавало тенденціозную и потому, молъ, совершенно ложную окраску фактамъ организованной природы, тогда какъ въ соціологіи оно лишь способствовало правильному пониманію общественныхъ отношеній и должному освѣщенію соціальныхъ перспективъ. Такого рода указанія дѣлались и Михайловскимъ. Вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ его на счетъ роли телеологическаго элемента въ наукѣ объ обществѣ, врядъ ли можно признать вполнѣ справедливымъ взглядъ не только Михайловскаго, но и многихъ натуралистовъ, на значеніе телеологіи въ наукѣ о жизни. Телеологія телеологіи — рознь. Никто теперь не станетъ отрицать эфемерность натуръ—философскихъ концепцій, разсматривающихъ біологическія явленія въ свѣтѣ ученія о «конечныхъ цѣляхъ природы», о «предустановленной гармоніи», о «намѣреніяхъ Верховнаго Разума» и т. д.: наука разъ навсегда покончила со всѣми этими фантазіями не

*) Ibid., стр. 134.

отъ міра сего. Однако отсюда еще не слѣдуетъ, что телеологическій элементъ окончательно изгнанъ изъ біологіи. Самъ дарвинизмъ—этотъ заклятый врагъ телеологіи добраго стараго времени — держится цѣликомъ на примѣненіи теологическаго принципа къ явленіямъ органической жизни: Дарвинъ только перенесъ центръ тяжести телеологіи съ туманныхъ надзвѣздныхъ сферъ на прозаичную землю. Вся теорія борьбы за существованіе и подбора есть въ сущности ученіе о возникновеніи и развитіи *цѣлесообразныхъ* формъ, цѣлесообразныхъ не съ какой-нибудь сверхъ-опытной точки зрѣнія, а въ смыслѣ полезныхъ приспособленій къ житейско-обиходнымъ интересамъ организма. Если это вѣрно,—а я думаю, что вѣрно,—то остается только согласиться, что телеологическій элементъ играетъ пока довольно видную роль въ біологическихъ изысканіяхъ: каждый біологъ, изучая живыя формы природы, обязательно попытается рѣшить, какое значеніе имѣютъ различныя части того или иного организма въ жизни его, насколько цѣлесообразно онѣ построены и насколько хорошо служатъ интересамъ ихъ обладателя. А это ужъ, согласитесь, телеологія, хотя, повторяю, и не та, что мечтала постигнуть сокровенныя мысли «Верховнаго разума» и проникнуть въ предвѣчныя тайны мірозданія.

Итакъ, даже біологъ дѣлаетъ порою экскурсіи въ область телеологіи, хотя объектомъ его изслѣдованій и является нѣчто, стоящее далеко отъ его личныхъ переживаній. Радости и горести, побѣды и пораженія, интересы и цѣли какого-нибудь носорога или ихтіозавра его мало трогаютъ; но все же онъ невольно считается съ ними изъ желанія всецѣло охватить и правильно освѣтить интересующее его біологическое явленіе. Почему же человѣкъ, трактующій объ общественныхъ отношеніяхъ *людей*, долженъ бояться телеологіи, какъ огня? Основательна ли такая боязнь? Справедливо ли такое требованіе? Михайловскій спрашиваетъ: «Законно ли устраненіе телеологическаго элемента изъ соціологическихъ изслѣдованій, можетъ ли объективный методъ дать въ соціологіи благіе результаты? Можетъ быть, соціологъ не имѣетъ, такъ сказать, логическаго права устранить изъ своихъ работъ человѣка, какъ онъ есть, со всѣми его скорбями и желаніями; можетъ быть, грозный образъ страдающаго человѣчества, соединившись съ логикой вещей, мститъ всякому, кто его

забудетъ, кто не проникнется его страданіями; можетъ быть, объективная точка зрѣнія, обязательная для естествоиспытателя, совершенно не пригодна для соціологіи, объектъ которой—человѣкъ—тожественъ съ субъектомъ; можетъ быть, вслѣдствіе этой тожественности, мыслящій субъектъ только въ такомъ случаѣ можетъ дойти до истины, когда вполнѣ сольется съ мыслимымъ объектомъ и ни на минуту не разлучится съ нимъ, т.-е. войдетъ въ его интересы, переживетъ его жизнь, перемыслитъ его мысль, перечувствуетъ его чувство, перестрадаетъ его страданія, проплачетъ его слезами?*) Всѣ общественно-философскія работы Михайловскаго, все міросозерцаніе его является научно-обоснованнымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ. Соціологъ *не можетъ* отрѣшиться отъ своего моральнаго сознанія, соціологъ *долженъ* вести свое изслѣдованіе въ свѣтѣ глубоко прочувствованнаго и до конца продуманнаго общественнаго идеала; иначе въ обобщеніяхъ его будетъ отсутствовать самое главное, *двуединая правда*—правда безмятежнаго, спокойнаго въ своемъ величіи неба и правда многострадальной, обливающейся потомъ, слезами и кровью земли. Таковъ смыслъ отвѣта, даннаго Михайловскимъ, таково содержаніе рекомендуемаго имъ субъективнаго метода въ соціологіи.

«Ортодоксальный марксизмъ», какъ извѣстно, обрушился съ особенной энергіей на этотъ именно пунктъ воззрѣній русскаго соціолога, не имѣвшаго счастья носить мундиръ, присвоенный этому вѣдомству науки. Для меня лично остается совершенно непонятнымъ тотъ пылъ, съ которымъ «ортодоксальные ученики» вели свою аттаку. Это, думается мнѣ, одно лишь недоразумѣніе. Кто, спрашивается, наговорилъ цѣлую кучу дѣльныхъ и пустыхъ рѣчей на тему о «классовой психологіи» и классовой идеологіи»? Кто, кромѣ этихъ «объективистовъ», настаивалъ и продолжаетъ настаивать на «классовомъ характерѣ» общественной науки? А если классовая психологія и классовая идеологія кладутъ неизгладимый отпечатокъ на направленіе и характеръ изслѣдованій соціолога, то развѣ это не свидѣтельствуетъ о наличности субъективнаго элемента въ наукѣ объ обществѣ? Развѣ сами ортодоксы не обнаруживаютъ крайняго объективизма, толкуя при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ объ «интере-

*) Ibid., стр. 56.

сахъ четвертаго класса», о «пролетарскомъ сознаніи», объ «идеологіи будущаго» и объ иныхъ столь же прекрасныхъ вещахъ, не считаясь съ которыми, они не могутъ буквально шагу ступить? Развѣ ихъ теоретическія построенія не пропитаны насквозь классовымъ субъективизмомъ? Развѣ ихъ qvasi-объективный методъ не есть на самомъ-то дѣлѣ методъ субъективный — субъективный хотя бы постольку, поскольку они считаютъ себя выразителями «интересовъ *рабочаго класса*». Нѣтъ, методъ у нихъ тотъ же, что и у Михайловскаго, только масштабъ его нѣсколько иной и, мнѣ кажется, болѣе узкій, болѣе субъективный, чѣмъ у подлинныхъ «субъективистовъ». Соціологическое изслѣдованіе, проведенное во имя девиза — «интересы пролетаріата»—изслѣдованіе, осложненное *классовою* психологіей, несомнѣнно субъективнѣе такого изслѣдованія, которое пытается стать выше психологіи какого бы то ни было *класса* и проникнуто идеей о благѣ *человѣка*, извлеченнаго изъ подъ гнета вертикальныхъ и горизонтальныхъ перегородокъ общественной организаціи. Послѣднее также субъективно, но въ то же время оно безспорно «объективнѣе» перваго.

Въ послѣдніе годы, вмѣстѣ съ вновь пробудившимся интересомъ къ вопросамъ теоретико-познавательнаго характера, ученіе о субъективномъ методѣ въ соціологіи подверглось нападенію съ другого фронта: его стали критиковать съ точки зрѣнія кантовскихъ категорій. Говорятъ: марксисты примѣняютъ къ изученію общественныхъ явленій «категорію необходимости», единственно научный способъ познанія; русскіе нео-кантіанцы, идеалисты тожъ, разсматриваютъ эти явленія въ свѣтѣ «категоріи должнаго», которая не противорѣчитъ «необходимому» въ объективномъ ходѣ вещей, а возвышается надъ нимъ; «субъективисты» русской соціологической школы съ Михайловскимъ во главѣ представляютъ себѣ общественный процессъ въ видѣ совокупныхъ «возможностей», желательныхъ и нежелательныхъ, т.-е. примѣняются къ изученію фактовъ общественной жизни «категоріи возможнаго и желательнаго»,—самый примитивный и совершенно ненаучный способъ познанія. Такъ говорятъ. Но всѣ эти разговоры, когда присмотришься къ нимъ, производятъ впечатлѣніе чисто-словеснаго спорта новомодной схоластики. И вотъ почему.

«Мы, пишетъ одинъ изъ русскихъ нео-кантіанцевъ, добиваемся осуществленія нашихъ идеаловъ не потому, что они возможны, а потому, что осуществлять ихъ повелительно требуетъ отъ насъ и отъ всѣхъ окружающихъ насъ сознанный нами долгъ»*). Но развѣ «категорія желательнаго» субъективистовъ вообще и Михайловскаго въ частности не совпадаетъ по существу съ «категоріей должнаго» русскихъ идеалистовъ? Развѣ категорическій императивъ, «повелительно требующій» отъ нашихъ нео-кантіанцевъ осуществленія ихъ идеаловъ, не толкалъ и не продожаетъ толкать столь же «повелительно» и «субъективистовъ» къ осуществленію *ихъ* идеаловъ? Что же касается до якобы игнорированія русскими субъективистами «категоріи необходимости», то это одно лишь недоразумѣніе. Соціальный процессъ представляется имъ не въ видѣ «совокупности различныхъ *возможностей*», а въ видѣ совокупности *необходимостей*, въ которой они усматривали *возможность* для осуществленія *должнаго*. Впрочемъ, мы сейчасъ займемся подробнѣе вопросомъ о роли «категоріи необходимости» или, выражаясь проще, объективныхъ данныхъ науки въ соціологическихъ построеніяхъ Михайловскаго.

II.

«Борьба за существованіе и подборъ» — въ словахъ этихъ цѣлая философія для біолога и источникъ крупнѣйшихъ заблужденій для соціолога! Сколько ложныхъ толковъ, уродливыхъ шатаній мысли и часто жестокихъ фантазій связано съ одностороннимъ и сбивчивымъ пониманіемъ подлиннаго содержанія этихъ магическихъ словъ! И, надо правду сказать, распространенію такого рода толковъ и фантазій не мало способствовалъ самъ знаменитый авторъ «Происхожденія видовъ». Вы помните, должно быть, торжественныя, преисполненныя большого оптимизма строки, которыми заканчивается его великое твореніе? Подчеркивая творческую роль борьбы и подбора, Дарвинъ писалъ: «Такъ изъ свирѣпствующей среди природы войны, изъ голода и смерти непосредственно вытекаетъ самый высокій ре-

*) Проблемы идеализма, Б. Кистяковскій, «Русская соціологическая школа» и категорія возможности при рѣшеніи соціально-этическихъ проблемъ.

зультатъ, который умъ въ состояніи себѣ представить,—образованіе высшихъ формъ жизни».

Такъ ли это, однако, на самомъ дѣлѣ? Вѣрно ли, что изъ «борьбы, голода и смерти» *всегда* слѣдуетъ—да еще непосредственно—«образованіе высшихъ формъ жизни»?

Дарвинизмъ по существу чуждъ идиллическаго взгляда на природу, и тѣмъ не менѣе только что приведенныя слова Дарвина звучатъ оптимистично: точно моральное чувство геніальнаго натуралиста ужаснулось предъ раскрытой имъ же самимъ правдивой картиною «борьбы, голода и смерти» и захотѣло успокоиться на «красномъ вымыслѣ»! Трудно, однако, настаивать на этомъ предположеніи, ибо глубокій, проницательный умъ англійскаго мыслителя врядъ ли способенъ былъ итти на сдѣлки съ встревоженной совѣстью. Какъ бы то ни было, многіе изъ учениковъ его—какъ это обыкновенно случается со всякаго рода «учениками»—усугубили недомолвку учителя, превративши ее чуть ли не въ исходный пункъ всѣхъ своихъ теоретическихъ построеній: *они упустили изъ виду двойственный, порою предательскій характеръ борьбы и подбора, они забыли, что борьба и подборъ приводятъ часто не къ совершенству, а къ упадку формъ жизни.*

Остановлюсь нѣсколько подробнѣе на развитіи этой мысли.

Жизнь, смотря по мѣсту и времени, предъявляетъ организмамъ весьма различныя требованія. Считаться съ этими требованіями приходится, волей-неволей, всякому, кто не то что разсчитываетъ на сколько-нибудь сносное существованіе, но и просто не желаетъ быть вычеркнутымъ изъ списка вызванныхъ на арену жизни. *Приспособляйся*, какъ можешь, иначе будешь выброшенъ за бортъ и вытѣсненъ иными, болѣе счастливыми претендентами на право существованія — таковъ неумолимый, жестокій девизъ природы, таково глубоко-драматическое содержаніе борьбы за существованіе и возникающаго на фонѣ ея подбора. Гибнутъ «неприспособленные», выживаютъ «наиболѣе приспособленные»— другого смысла въ понятіе «подборъ» нельзя вложить и не слѣдуетъ вкладывать. А кто эти неприспособленные и кто наиболѣе приспособленные — это всецѣло обусловливается данными мѣста и времени, при которыхъ возникаетъ борьба за существованіе и дѣйствуетъ подборъ. Не всегда наиболѣе приспособленными оказываются организмы наиболѣе сильные и совершенные; и не

всегда неприспособленные отмѣчены печатью слабости и несовершенства. Напротивъ, временами, при опредѣленномъ житейскомъ режимѣ, несовершенство организаціи и даже уродство могутъ сослужить великолѣпную службу въ борьбѣ за существованіе, и тогда побѣда останется непремѣнно на сторонѣ счастливыхъ обладателей несовершеннаго строенія, ибо они-то въ данномъ случаѣ и явятся наиболѣе приспособленными. Кому не извѣстно, что многіе изъ паразитовъ въ сущности настоящіе дегенеранты по сравненію со своими свободно живущими сородичами; и тѣмъ не менѣе они великолѣпно приспособлены къ тѣмъ своеобразнымъ условіямъ жизни, которыя выпали на ихъ долю. Словомъ, наиболѣе *приспособленный* и наиболѣе *совершенный* далеко не одно и то же. Это во-первыхъ. А «во-вторыхъ» слѣдуетъ ужъ прямо изъ этого «во-первыхъ». Приписывать подбору исключительно прогрессивную роль въ процессѣ образованія новыхъ формъ жизни — тенденція неосновательная и отдающая во всякомъ случаѣ маниловщиной. *Подборъ—факторъ безразличный.* Ни съ какими идеалами «высшаго порядка» онъ не считается. Его задача—приспособлять организмы къ преходящимъ условіямъ существованія, порою очень односторонняго, узкаго, ограниченнаго, порою же, наоборотъ, разносторонняго и крайне сложнаго. Въ первомъ случаѣ требуется организація менѣе сложная, чѣмъ въ послѣднемъ; но отъ этого она вовсе не становится менѣе приспособленной: для того режима, съ которымъ ей приходится считаться, она приспособлена, по крайней мѣрѣ, такъ же хорошо, какъ и организація болѣе совершенная для среды болѣе сложной и разносторонней. Не рѣдко даже случается такъ, что организмъ болѣе совершенный, не смотря на всю свою относительную «идеальность», оказывается непригоднымъ для той среды, въ которой организмъ менѣе совершенный чувствуетъ себя отлично, и только потому, что въ строеніи послѣдняго имѣются какія-либо мелкія специфическія особенности, очень цѣнныя въ практикѣ его житейскаго обихода.

Давно уже въ біологіи установилось правило дѣлить дѣйствующихъ лицъ борьбы за существованіе на двѣ группы: однимъ изъ нихъ пріурочено названіе *типовъ идеальныхъ*, другіе извѣстны подъ именемъ *типовъ практическихъ*. Послѣдніе приспособлены къ тѣмъ или инымъ замкнутымъ условіямъ жизни; у первыхъ,

наоборотъ, формула жизни богаче, разнообразнѣе. Но часто случается такъ, что типы идеальные побиваются въ жизни типами практическими; не смотря на свое бо̀льшее совершенство, они оказываются менѣе приспособленными. Отсюда многіе натуралисты, въ томъ числѣ, напримѣръ, Геккель, сдѣлали такой выводъ: «естественный подборъ *вездѣ* способствуетъ развитію практическихъ типовъ въ ущербъ идеальнымъ». На самомъ дѣлѣ выводъ этотъ такъ же одностороненъ, какъ и тотъ, согласно которому подборъ оказывается факторомъ исключительно прогрессивнымъ. Теперь это — азбучная истина біологіи. Но лѣтъ 30 тому назадъ, когда дебаты по этому вопросу только-что начинались и большинство сторонниковъ Дарвина находилось еще подъ обаяніемъ не только безспорныхъ истинъ геніальнаго натуралиста, но и сомнительныхъ выводовъ его послѣдователей, настаивать на двойственномъ или, точнѣе, безразличномъ характерѣ подбора считалось дѣломъ рискованнымъ и во всякомъ случаѣ еретическимъ. И какъ разъ въ это время—а именно въ 1870 году — Михайловскій особенно настаивалъ на необходимости вскрыть полное содержаніе естественнаго подбора и отвести ему надлежащее мѣсто въ ряду главнѣйшихъ факторовъ органическаго прогресса. Процитировавши, напримѣръ, только-что приведенныя слова Геккеля, онъ писалъ: «Да, das ist eine alte Geschichte doch ist sie immer neu:

Нѣтъ могучѣе Патрокла,
Живъ презрительный Терситъ!

«Однако, выраженная абсолютно, эта печальная истина столь же мало оправдывается фактами, какъ и противоположный выводъ, дѣлаемый нѣкоторыми изъ теоріи Дарвина, а именно, будто бы борьба за существованіе и естественный подборъ необходимо суть орудія прогресса, что въ борьбѣ выживаютъ только лучшіе и сильнѣйшіе; точно такъ, какъ невѣрно и снотворное правило буржуазныхъ моралистовъ: добродѣтель торжествуетъ, а порокъ наказывается. Природа, какъ она намъ освѣщается теоріей Дарвина, не знаетъ избранниковъ. Здѣсь она раздавитъ великаго Патрокла и сохранитъ презрѣннаго Терсита; тамъ выдавитъ изъ строя жизни цѣлый видъ, здѣсь разобьетъ видъ на два, на три; тамъ низведетъ Патрокла до состоянія Терсита, здѣсь выставитъ

Патрокла во всемъ его величіи; тамъ разовьетъ жизнь, здѣсь нашлетъ смерть; тамъ посѣетъ слезы и страданія, здѣсь разольетъ море наслажденій»... *)

Спрашивается, однако, какъ отличить «могучаго Патрокла» отъ «презрѣннаго Терсита» въ кругу представителей животнаго и растительнаго царства? Гдѣ оно, объективное мѣрило для опредѣленія степени совершенства организаціи? Такое мѣрило извѣстно давно, еще со временъ знаменитаго эмбріолога Карла фонъ-Бэра. Гласитъ оно, примѣрно, слѣдующее: чѣмъ больше разнородныхъ органовъ, пріуроченныхъ къ выполненію спеціальныхъ функцій, имѣетъ животное или растеніе, тѣмъ выше его организація, тѣмъ совершеннѣе оно. Или иначе: *степень развитія организма опредѣляется степенью физіологическаго раздѣленія труда между образующими его органами.* Иллюстрируя эту мысль примѣромъ, мы должны будемъ сказать, что, напримѣръ, солитеръ стоитъ по своей организаціи значительно ниже обыкновеннаго дождевого червя, ибо у этого послѣдняго имѣется гораздо больше разнородныхъ и разно-функціонирующихъ органовъ, чѣмъ у перваго.

Только-что приведенный принципъ «физіологическаго раздѣленія труда» опять-таки является одною изъ азбучныхъ истинъ біологіи. Но, къ сожалѣнію, и онъ не избѣгъ различныхъ лжетолкованій на ряду съ иными такими же азбучными истинами. Его не разъ смѣшивали съ другимъ, не менѣе великимъ принципомъ естествознанія, введеннымъ въ науку Дарвиномъ и извѣстнымъ подъ именемъ закона «дивергенціи» или «расхожденія признаковъ».

Согласно ученію Дарвина, индивидуальныя особенности, которыми отличаются другъ отъ друга представители даннаго «вида», служатъ исходнымъ пунктомъ для образованія новыхъ видовъ. Подхваченныя подборомъ, въ интересахъ борьбы за существованіе, эти легкія индивидуальныя различія въ строеніи и внѣшнемъ видѣ животныхъ или растеній съ теченіемъ времени усиливаются, вырисовываются рѣзче и опредѣленнѣе, пріобрѣтаютъ характеръ приспособленій къ новымъ условіямъ жизни и превращаются въ ясно выраженные «видовые признаки». Такимъ образомъ старый видъ дробится, распадается сперва на нѣсколько разновидностей,

---

*) Теорія Дарвина и общественная наука. Соч., I, 230—231.

а затѣмъ и новыхъ видовъ. Вотъ этотъ-то процессъ Дарвинъ окрестилъ именемъ *дивергенціи* или *расхожденія признаковъ*. Сводится онъ, слѣдовательно, къ установленію возможно большаго *различія между недѣлимыми* родственной группы организмовъ (вида). Процессъ этотъ возникаетъ на почвѣ борьбы за существованіе и направляется въ ту или иную сторону подборомъ, смотря по характеру тѣхъ условій, къ которымъ приходится приспособляться расходящимся въ признакахъ недѣлимымъ даннаго «вида». Физіологическое же раздѣленіе труда способствуетъ установленію возможно большаго *различія между органами* недѣлимаго.

Итакъ, разница между принципомъ «расхожденія признаковъ» и принципомъ «физіологическаго раздѣленія труда» — громадная: первый распространяетъ свое вліяніе на *недѣлимыхъ* даннаго вида, второй ограничивается вліяніемъ на *органы* одного и того же недѣлимаго. Благодаря усиленію физіологическаго раздѣленія труда, особь совершенствуется, а въ процессѣ расхожденія признаковъ организація ея можетъ и прогрессировать, и остаться на той же ступени развитія, на которой стояла раньше, и *регрессировать*. Все зависитъ отъ тѣхъ условій, во имя которыхъ совершается процессъ расхожденія признаковъ. Если организмъ приспособляется къ болѣе сложнымъ условіямъ существованія, если формула жизни его расширяется, тогда онъ становится совершеннѣе—и въ этомъ случаѣ процессъ расхожденія признаковъ приводитъ къ усиленію физіологическаго раздѣленія труда, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ изъ трансформирующихся недѣлимыхъ даннаго «вида». Если же modus vivendi животнаго или растенія суживается, бѣднѣетъ содержаніемъ, то организація его падаетъ—тутъ ужъ процессъ дивергенціи ведетъ къ ослабленію физіологическаго раздѣленія труда. Существуютъ, напримѣръ, паразитическія ракообразныя, организація которыхъ, по сравненію съ организаціей ихъ ближайшихъ родичей, страшно пала; по внѣшнему виду ихъ нѣтъ никакой возможности даже принять за ракообразныхъ: почти всѣ внѣшніе и внутренніе органы ихъ, за исключеніемъ органовъ размноженія, атрофировались, а жизнедѣятельность свелась чуть-ли не исключительно на спеціальныя функціи размноженія. И все это—результатъ «расхожденія признаковъ», понизившаго до minimum'а физіологическое раздѣленіе труда у недѣлимыхъ этого вида

ракообразныхъ. Уже одного такого примѣра достаточно, чтобы судить, насколько велика бываетъ иногда разница между проявленіями дивергенціи и физіологическаго раздѣленія труда. Но мнѣ хочется еще рѣзче подчеркнуть эту разницу. Вотъ почему я предлагаю обратить особенное вниманіе на случаи конфликтовъ между обоими только-что названными принципами: это очень понадобится намъ для пониманія нѣкоторыхъ спеціально-соціологическихъ проблемъ, рѣшеніемъ которыхъ занимался Михайловскій.

Вышеприведенный примѣръ съ ракообразными свидѣтельствуетъ, какъ нельзя лучше, о томъ, что подборъ преслѣдуетъ пользу не индивида, а той *группы* организмовъ, къ которымъ онъ относится, и что *интересы недѣлимаго часто приносятся въ жертву интересамъ вида, какъ цѣлаго*. Эта парадоксальная, на первый взглядъ, мысль подтверждается тѣмъ не менѣе на каждомъ шагу фактами жизни. Казалось бы, дѣло должно обстоять такъ: «видъ» состоитъ изъ совокупности недѣлимыхъ; слѣдовательно, благоденствіе перваго обусловлено цѣликомъ благоденствіемъ послѣднихъ. И, разсуждая формально, оно такъ и есть на самомъ дѣлѣ: «видъ» вышеупомянутыхъ паразитическихъ ракообразныхъ существуетъ только потому, что существуютъ входящіе въ составъ его организмы. Не слѣдуетъ, однако, забывать вотъ чего: паразитическія ракообразныя, приспособившись къ замкнутымъ и крайне одностороннимъ условіямъ жизни, *очень много потеряли въ качествѣ недѣлимыхъ*. Тутъ *недѣлимое*, собственно говоря, *сведено на степень органа*. Это, конечно, нисколько не мѣшаетъ ему преблагополучно существовать въ тѣхъ узкихъ рамкахъ жизни, въ которыя его втиснула борьба за существованіе. Но все-таки, повторяю, въ качествѣ индивида онъ сталъ несравненно менѣе совершеннымъ, чѣмъ ближайшіе родичи его, оставшіеся волею судебъ, т.-е. борьбы за существованіе и подбора, при старомъ, болѣе сложномъ режимѣ жизни: въ то время, какъ послѣдніе способны вести болѣе или менѣе сносное существованіе *при различныхъ обстоятельствахъ*, ракообразный паразитъ обязательно погибнетъ, если его оторвать отъ тѣхъ *исключительныхъ условій жизни, къ которымъ онъ спеціально приноровленъ*. Не слѣдуетъ ли отсюда, что, по крайней мѣрѣ иногда, интересы «вида», какъ цѣлаго, совсѣмъ не совпадаютъ съ интересами недѣлимыхъ, входящихъ въ составъ этого вида?

Тутъ мы снова возвращаемся къ вопросу о разницѣ между «типами идеальными» и «типами практическими», между «наиболѣе совершенными» и «наиболѣе приспособленными». Паразитическій ракъ, по сравненію со своими свободно живущими родичами, есть типъ практическій и въ качествѣ таковаго онъ болѣе приспособленъ къ выпавшимъ ему на долю условіямъ существованія, чѣмъ какой-либо изъ его «идеальныхъ» собратьевъ; но въ то же время послѣдній совершеннѣе перваго, ибо мѣриломъ совершенства, какъ мы уже знаемъ, служитъ не степень приспособленности организма къ *специфическимъ* условіямъ существованія, а степень развитія физіологическаго раздѣленія труда между его органами, т.-е. способность отвѣчать на сложные запросы жизни, умѣніе оріентироваться въ разнообразныхъ условіяхъ ея.

Въ процессѣ жизни, подъ вліяніемъ борьбы за существованіе и естественнаго подбора, «идеальный типъ» можетъ распасться на нѣсколько «практическихъ типовъ». Палеонтологія, наука объ ископаемыхъ организмахъ, не разъ доказывала существованіе такихъ «идеальныхъ типовъ» въ минувшія геологическія эпохи; только она именуетъ ихъ типами *синтетическими* и *пророческими*. Таковъ, напримѣръ, знаменитый палеотерій. Онъ, какъ полагаютъ, совмѣщаетъ въ себѣ нѣкоторые признаки тапира, носорога и лошади. Это, такъ сказать, животное сборное или *синтетическое*. Въ то же время въ немъ какъ бы предвосхищены, полагаютъ, совмѣщаетъ въ себѣ нѣкоторые признаки тапира, носорогъ и лошадь; отсюда и названіе — «пророческій типъ». То, что въ палеотеріи было собрано воедино, съ теченіемъ времени, благодаря дивергенціи, раздробилось на части, которыя въ послѣдующія геологическія эпохи пріобрѣли значеніе самостоятельныхъ цѣлыхъ: палеонтологія считаетъ возможнымъ предположить, что палеотерій является родоначальникомъ тапировъ, носороговъ и лошадей. Въ качествѣ животнаго, совмѣщающаго въ себѣ нѣкоторыя существенныя особенности тапира, носорога и лошади, палеотерій «идеальнѣе» своихъ «практическихъ» эпигоновъ; *по типу* развитія онъ выше ихъ, но *по степени* развитія—ниже, ибо признаки, сравнительно слабо выраженные въ организмѣ палеотерія, достигли нѣкотораго совершенства въ отдѣльности у тапира, носорога и лошади: опять, какъ видите, процессъ расхожденія признаковъ привелъ къ пониженію физіологическаго раз-

дѣленія труда у недѣлимыхъ, хотя спеціальныя особенности послѣднихъ и поднялись много выше того уровня, на которомъ ихъ застала дивергенція.

Возьмемъ еще примѣръ, иллюстрирующій эту мысль. Согласно ученію Дарвина, полиморфные (многоформенные) виды ведутъ свое начало отъ видовъ мономорфныхъ (одноформенныхъ). Таково, напримѣръ, происхожденіе современныхъ семейныхъ общинъ муравьевъ, пчелъ и термитовъ, въ которыхъ индивиды распадаются на нѣсколько — отъ 3 до 5 — отдѣльныхъ «кастъ». Въ первобытныхъ муравейникахъ, ульяхъ и термитникахъ такого дѣленія на «касты» не существовало: отдѣльные члены ихъ *по типу развитія* стояли выше современныхъ безполыхъ «рабочихъ», «воиновъ» и т. п.; но *по степени* приспособленности *къ спеціальнымъ функціямъ* современные «рабочіе», «воины» и *къ спеціальнымъ функціямъ* современные «рабочіе», «воины» и т. д. значительно опередили своихъ «многостороннихъ» предковъ. Какой же, напримѣръ, изъ муравейниковъ совершеннѣе — современный или первобытный? Отвѣтъ на это имѣется, между прочимъ, и у Михайловскаго. «Съ объективной точки зрѣнія, — говоритъ онъ, — выше нынѣшній муравейникъ, потому что его части сильнѣе дифференцированы. Но съ субъективной точки зрѣнія самого муравья, выше древній муравейникъ... Пусть совокупными усиліями полиморфныхъ индивидовъ созданы огромныя богатства и дана цѣлая муравьиная цивилизація; онъ выше потому, что въ немъ побѣда въ борьбѣ за индивидуальность осталась на сторонѣ муравья, то-есть индивида въ тѣсномъ смыслѣ этого слова *). Словомъ, противорѣчіе между интересами «вида», какъ цѣлаго, и интересами недѣлимыхъ, входящихъ въ составъ этого цѣлаго, различіе между совершенствомъ *по типу* и совершенствомъ *по степени* развитія — все это подтверждается и на примѣрѣ семейныхъ общинъ у насѣкомыхъ.

Передъ нами прошелъ рядъ нынѣ общепризнанныхъ и очень важныхъ біологическихъ обобщеній. Къ чему же сводятся они?

Естественный подборъ не всегда ведетъ къ прогрессу живыхъ формъ природы. Часто работа его направляется въ діаметрально противоположную сторону, и это находится въ прямой

*) «Борьба за индивидуальность», Соч., I, 478.

связи съ его насущною задачей — приспособлять живыя формы къ преходящимъ, то разностороннимъ, то, наоборотъ, крайне замкнутымъ условіямъ существованія. Онъ на сторонѣ не наиболѣе совершенныхъ, а наиболѣе приспособленныхъ; а это совсѣмъ не одно и то же, такъ какъ наиболѣе приспособленными оказываются зачастую наименѣе совершенныя. Степень совершенства организаціи опредѣляется степенью физіологическаго раздѣленія труда. Не рѣдки такіе случаи, когда жизнь недѣлимаго, въ процессѣ расхожденія признаковъ, бѣднѣетъ содержаніемъ, когда «типъ идеальный» дробится на части, давая, такимъ образомъ, начало нѣсколькимъ «практическимъ типамъ», довольствующимся очень узкою формулой жизни. И въ этомъ именно смыслѣ можно смѣло утверждать, что интересы индивида часто не только не совпадаютъ, но и находятся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ интересами «вида», какъ цѣлаго: «видъ» иногда продолжаетъ существовать, но право на жизнь имъ покупается дорогой цѣной — цѣною калѣченія входящихъ въ его составъ недѣлимыхъ. Тогда организація недѣлимаго «по типу» становится ниже, «по степени же развитія» спеціальныхъ приспособленій, пріуроченныхъ къ спеціальнымъ функціямъ, повышается.

Всѣ эти положенія, почерпнутыя изъ біологіи, легли въ основу общественно-философскихъ теорій Михайловскаго, и съ ними обязательно долженъ считаться всякій соціологъ. Къ сожалѣнію, соціологи, а въ осоенности всѣ, не по заслугамъ претендующіе на этотъ почетный титулъ, нерѣдко либо забываютъ совершенно, что общественная наука имѣетъ очень важнаго союзника въ лицѣ біологіи, либо пользуются ея выводами безъ критики. Въ результатѣ же недостаточно вдумчиваго отношенія къ различнымъ біологическимъ обобщеніямъ получается рядъ натянутыхъ, ошибочныхъ и вздорныхъ соціологическихъ построеній.

Михайловскій это отлично видѣлъ и положилъ не мало труда на борьбу съ такого рода quasi-соціологическими теоріями.

III.

Приступая къ ряду статей подъ общимъ заглавіемъ «Теорія Дарвина и общественная наука», Михайловскій писалъ: «Основная задача наша состоитъ все-таки въ опредѣленіи, съ точки зрѣ-

нія Дарвиновой теоріи, взаимнаго отношенія между физіологическимъ раздѣленіемъ труда, то-есть раздѣленіемъ труда между органами въ предѣлахъ одного недѣлимаго, и раздѣленіемъ труда экономическимъ, то-есть раздѣленіе труда между цѣлыми недѣлимыми въ предѣлахъ вида, расы, народа, общества. Съ нашей точки зрѣнія задача эта сводится къ изысканію основныхъ законовъ коопераціи, то-есть фундамента общественной науки. Поэтому мы постараемся представить возможно большій рядъ соціологическихъ выводовъ изъ теоріи Дарвина и дать имъ посильную критическую оцѣнку» *).

Эта «посильная критическая оцѣнка» была направлена прежде всего на теоріи *прямолинейныхъ дарвинистовъ*, перенесшихъ принципы борьбы и подбора цѣликомъ изъ біологіи въ соціологію. Разсуждаютъ они примѣрно слѣдующимъ образомъ:

Человѣкъ и человѣческія формы общежитія являются продуктомъ тѣхъ же самыхъ факторовъ, которые создали муравья и муравьиную цивилизацію. Муравей, со всею присущею ему индивидуальностью и общественной организаціей, созданъ творческою дѣятельностью естественнаго подбора, оперировавшаго на фонѣ борьбы за существованіе. Равнымъ образомъ, все строеніе и психологія человѣка, всѣ общественныя отношенія его вызваны къ жизни силою борьбы за существованіе и подбора: его высокая физическая организація, его духовная мощь, его несмѣтныя богатства, его успѣхи на поприщѣ промышленности, науки и искусства, весь общественный укладъ его жизни,—словомъ, вся современная цивилизація была бы немыслима безъ конкурренціи между отдѣльными личностями, общественными группами, классами, народами, расами, государствами. Только благодаря подбору, безжалостно сметавшему съ исторической сцены несовершенныя экономическія, политическія, юридическія и общественныя формы и замѣнявшему ихъ формами болѣе жизнеспособными, болѣе развитыми и современными, стала возможною та высокая степень цивилизаціи, которою справедливо гордится современное культурное человѣчество.

Правда, многовѣковый историческій путь человѣчества, осѣненный всеблагою десницей борьбы за существованіе, подернутъ

*) «Теорія Дарвина и общественная наука». Соч., I, 151.

густымъ облакомъ стоновъ и проклятій, орошенъ слезами, пропитанъ кровью, усѣянъ трупами многихъ милліоновъ «неприспособленныхъ. Но не бѣда! — утѣшаютъ насъ дарвинисты въ соціологіи: побѣду въ борьбѣ одержали наиболѣе сильные, сильные и физически, и интеллектуально, и морально; ибо «изъ голода и смерти непосредственно вытекаетъ самый высокій результатъ, который умъ въ состояніи себѣ представить, — образованіе высшихъ формъ жизни». Правда, подборъ въ человѣческомъ обществѣ, какъ и всюду, ведетъ къ «расхожденію признаковъ», понижаетъ типъ человѣческой природы въ интересахъ замкнутыхъ условій кастоваго, цехового, классоваго, вообще всякаго групповаго режима, дробитъ личность, сужаетъ работу ея мысли и запросы ея совѣсти въ цѣляхъ тѣхъ спеціальныхъ функцій и одностороннихъ интересовъ, которымъ призвана служить она, эта искалѣченная физически и кастрированная духовно человѣческая личность. Но опять-таки—не бѣда!—восклицаютъ буржуазные экономисты и соціологи: новыя формы общественной жизни и связанная съ ними высокая степень «цивилизаціи» стали возможны, благодаря лишь тому, что общество дифференцировалось, функціи его обособились, исполнители этихъ функцій спеціализировались. Словомъ, борьба жестоко поступаетъ съ «неприспособленными», а подборъ приспособляетъ людей къ жизни, не считаясь съ интересами и запросами личности — все это такъ; и тѣмъ не менѣе предавать анафемѣ борьбу и подборъ могутъ только сентиментальные фантазеры, не отваживающіеся смѣло и открыто взглянуть на жизнь, поставить объективную правду ея выше своихъ субъективныхъ мечтаній. Но трезвые и спокойные наблюдатели природы отдаютъ должное творческой роли борьбы и подбора въ историческомъ процессѣ и со спокойной совѣстью говорятъ: такъ было раньше, такъ движется впередъ человѣческая жизнь и сейчасъ, такъ должно быть всегда...

Мнѣ кажется, что только-что приведенная аргументація очень *характерна для опредѣленнаго типа мышленія*: такъ думаютъ всѣ буржуазные элементы современнаго общества, такъ разсуждаетъ вся буржуазная наука—ея экономисты, политики, правовѣды, соціологи, моралисты. Политико-экономъ восхваляетъ экономическое раздѣленіе труда, создавшее «богатство народовъ» путемъ систематической пролетаризаціи всѣхъ трудящихся слоевъ

общества, восхваляетъ свободную конкурренцію, при которой «наиболѣе приспособленныя» единицы умножаютъ свои капиталы на счетъ труда «неприспособленныхъ» массъ, и пресловутую «гармонію интересовъ» при очевидномъ антагонизмѣ ихъ; политикъ взываетъ къ «патріотизму» и настаиваетъ на необходимости давить «чужое» во имя «національнаго единства и мощи», столь необходимыхъ въ борьбѣ народовъ за право жизни и широкихъ историческихъ перспективъ, или же поетъ дифирамбы системѣ laisser faire—laisser passer въ интересахъ якобы либерализма и даже индивидуализма; соціологъ не нарадуется картиною «наивозможно большей дифференціаціи общества», ибо въ этомъ онъ благодушно усматриваетъ «переходъ отъ простого - однороднаго къ сложному - разнородному», то есть совершенствованіе, прогрессъ; а моралистъ говоритъ намъ съ паѳосомъ о благихъ намѣреніяхъ провидѣнія, ниспославшаго на землю соціальное и экономическое неравенство съ цѣлью упражнять въ богатыхъ добродѣтель милосердія къ бѣднымъ, и въ заключеніе кощунственно преподноситъ намъ притчу о многихъ званыхъ и немногихъ избранныхъ. Все это давно знакомые темы и мотивы. Типичнымъ образчикомъ ихъ можетъ служить, напримѣръ, слѣдующая тирада изъ книги нѣкогда знаменитой госпожи Ройе: «изученіе законовъ, управляющихъ человѣческими дѣйствіями,—говоритъ она,—показываетъ, что наименьшимъ неравенствомъ достигается для каждаго члена общества наименьшая сумма наслажденій; что, напротивъ, по мѣрѣ возвышенія соціальной пирамиды, по мѣрѣ увеличенія числа ступеней іерархіи, общая сумма наслажденій прогрессивно растетъ; что раздѣленіе труда и порождаемыя имъ неравенства, уменьшая трудъ каждаго, даютъ болѣе наслажденій всѣмъ; что неравенство богатства, создавая досугъ, различнымъ образомъ употребляемый, ведетъ къ общей выгодѣ и преимущественно къ выгодѣ бѣдныхъ; что нѣтъ такой нелѣпой страсти, такого страннаго каприза, который не открывалъ бы человѣческой дѣятельности новаго поля и который не давалъ бы пропитанія извѣстному числу людей, коимъ безъ этой помощи пришлось бы погибнуть... Уничтожьте праздность, и вы уничтожете вмѣстѣ съ тѣмъ и капризъ, а, слѣдовательно, удовлетворявшіе его останутся безъ работы»... *). И эта

*) Цитирую по статьѣ Михайловскаго «Теорія Дарвина и общественная наука». Соч., I, 245.

не то наивная, не то циничная апологія дѣйствительности, это пѣснопѣніе «соціальной пирамидѣ» о многихъ этажахъ выдавалась серьезно за соціологію, построенную на данныхъ и выводахъ науки о жизни; мало этого: многіе авторы такого рода пѣснопѣній чистосердечно считали себя идеологами трудящихся классовъ общества, защитниками ихъ интересовъ.

Михайловскій обрушился со всею силой своего остраго ума и богатой эрудиціи на этотъ гимнъ «естественному ходу вещей» и чисто зоологическому либерализму. И если бы онъ ничего больше не сдѣлалъ, если бы вся работа его ограничилась безпощадной критикой теорій, построенныхъ на ложномъ толкованіи принциповъ дарвинизма въ примѣненіи ихъ къ явленіямъ общественной жизни, то и тогда заслуга его предъ русскимъ обществомъ и наукой была бы громадна. Съ талантомъ и блескомъ, исключительно ему присущими, съ необыкновенною ясностью и убѣдительностью онъ показалъ, что экскурсіи одностороннихъ дарвинистовъ въ область соціальныхъ отношеній и попытки нѣкоторыхъ соціологовъ реабилитировать печальную дѣйствительность при помощи теоріи Дарвина покоятся на цѣломъ рядѣ грубыхъ ошибокъ и преувеличеній. Онъ не отрицалъ зависимости общественныхъ явленій отъ нѣкоторыхъ законовъ біологіи; онъ не отказывалъ соціологамъ въ правѣ распространять принципы подбора и расхожденія признаковъ на соціальныя отношенія людей и на весь вообще ходъ историческаго процесса. Онъ только настаивалъ на необходимости правильнаго пониманія этой связи и критически продуманнаго пользованія выводами біологіи при объясненіи общественныхъ явленій. И вотъ что особенно важно. Аргументы свои, всегда яркіе и остроумные, онъ черпалъ изъ области той самой біологіи, выводами которой такъ неумѣло пользовались прямолинейные дарвинисты и буржуазные соціологи. Не малую роль тутъ играли, разумѣется, и велѣнія возмущенной совѣсти, властно призывавшія его къ защитѣ столь легкомысленно попираемыхъ «правъ человѣка»; но это только придавало мощь и своеобразную красоту его объективнымъ, строго-научнымъ доказательствамъ. Какія это доказательства— мы уже знаемъ; они изложены въ предыдущей главѣ и гласятъ слѣдующее: не вѣрно, будто «изъ борьбы голода и смерти» обязательно возникаютъ «высшія формы жизни»; не вѣрно, будто подборъ на сторонѣ «наиболѣе совершенныхъ»: онъ всего лишь

за наиболѣе приспособленныхъ»; не вѣрно, будто интересы «вида» всегда совпадаютъ съ интересами индивида; не вѣрно, наконецъ, что «расхожденіе признаковъ» въ обществѣ есть благо для составляющихъ это общество недѣлимыхъ: развиваясь въ спеціальныхъ направленіяхъ, недѣлимое превращается въ «палецъ отъ ноги», въ винтикъ сложнаго общественнаго механизма. Послѣдняя ошибка вытекаетъ изъ всѣхъ предыдущихъ ошибокъ; но она особенно сильно даетъ себя чувствовать въ соціологіи, и потому немудрено, что на ней именно Михайловскій и сосредоточилъ все свое вниманіе. Не лишнее будетъ возстановить въ памяти читателя подлинныя рѣчи его по этому поводу. Выдержка будетъ длинная, но настолько интересная, что лишній разъ прочесть ее составитъ одно лишь удовольствіе. Указавши на тотъ фактъ, что большинство біологовъ и экономистовъ *отожествляетъ* физіологическое раздѣленіе труда съ общественнымъ, Михайловскій продолжаетъ:

«Фактъ этого повальнаго заблужденія, безъ сомнѣнія, заставитъ сильно призадуматься будущаго историка науки, но за то и объяснитъ ему, вѣроятно, многое... Мы видимъ цѣлую массу людей, между которыми есть звѣзды первой величины, которыми справедливо гордятся и наука, и философія, которые имѣютъ въ своемъ распоряженіи огромные запасы фактическихъ знаній, которые, далѣе, изощрили свой умъ на самыхъ тонкихъ логическихъ упражненіяхъ; и вся эта масса хоромъ утверждаетъ: дважды два—четыре, а потому и дважды четыре—тоже четыре. Что можетъ быть изумительнѣе такого зрѣлища?...

«Человѣкъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ разнообразнѣе его составъ, чѣмъ разнообразнѣе его отправленія. Слѣдовательно, общество тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ болѣе широкій просторъ предоставляетъ его укладъ многостороннему, а не одностороннему развитію его членовъ. Слѣдовательно, общество тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ сходнѣе между собою его части и чѣмъ менѣе онѣ подчинены другъ другу. Отчего люди ученые, люди мыслящіе, люди, которымъ звѣздная книга ясна, съ которыми говоритъ морская волна, не понимаютъ такой простой истины? Мудрый Эдипъ, разрѣши! Никогда еще, быть можетъ истина не представлялась въ столь простомъ и обнаженномъ видѣ и никогда, можетъ быть, люди не отворачивались отъ нея столь упорно, какъ бы стыдясь ея наготы. До сихъ поръ это обобщеніе раздѣленія труда физіологическаго и экономическаго есть едва ли не самая крупная и безспорно самая распространенная попытка связать біологію съ соціологіей; и мы твердо убѣждены, что пока этотъ пунктъ не будетъ надлежащимъ образомъ установленъ, разумная связь соціологіи и біологіи не мыслима, а слѣдовательно, не мыслима и соціологія.

«Намъ могутъ замѣтить, что сторонники раздѣленія труда ставятъ вопросъ совсѣмъ не такъ, какъ мы это дѣлаемъ, что они ничего не говорятъ

о судьбѣ недѣлимаго въ обществѣ, что они берутъ за центръ изслѣдованія самое общество, юридическую личность, и утверждаютъ, что оно, общество, выигрываетъ отъ раздѣленія труда. На это мы отвѣчаемъ, что въ этой постановкѣ вопроса и заключается корень заблужденія. Кто видѣлъ эту юридическую личность? Кто говорилъ съ нею? Кому она разсказывала о своихъ страданіяхъ и наслажденіяхъ, о своихъ желаніяхъ и нежеланіяхъ, надеждахъ и отчаяніи? Кому она пѣла свои пѣсни, кому посылала свои проклятія?—Однако раздѣленіе труда—фактъ?—Фактъ, такой же фактъ, какъ и физіологическое раздѣленіе труда. Ставьте ихъ рядомъ, но не спиной другъ къ другу, а лицомъ къ лицу. Пусть каждый видитъ, какъ они между собою относятся, въ какой между собою находятся зависимости»...

«Сравнительно зоологическая точка зрѣнія съ безпощадною ясностью показываетъ, что организація отдѣльныхъ недѣлимыхъ при кооперации раздѣльнаго труда должна необходимо понизиться и, дѣйствительно, понижается, потому что физіологическое раздѣленіе труда становится при этомъ менѣе напряженнымъ. Это такая азбучная истина, что мы боимся даже, какъ бы читатель не обидѣлся нашими пространными толкованіями. Но, мой добрый и умный читатель, вы видите, что этой азбучной истины не понимаютъ великіе философы, почтенные ученые, что въ средѣ біологовъ ни одинъ голосъ не поднимается противъ хора, твердящаго: дважды два—четыре и дважды четыре—тоже четыре. У муравьевъ есть скотоводство, а у нѣкоторыхъ и земледѣліе. Быть можетъ, у нихъ есть и наука? Кто ее воздѣлываетъ? Если кто воздѣлываетъ, то, безъ сомнѣнія, плодовитые самцы и самки въ моменты остающагося у нихъ послѣ спеціальныхъ занятій досуга... Быть можетъ, у муравьевъ существуетъ и біологія, и политическая экономія. Быть можетъ, муравьи-біологи и политико-экономы проповѣдуютъ величіе принципа раздѣленія труда....

«Во всякомъ случаѣ, если экономисты и біологи будутъ продолжать работать въ томъ же духѣ и въ томъ же направленіи, въ какомъ работали до сихъ поръ, то можно ожидать, что они догонятъ муравьевъ. Средство производить морфологическіе индивидуумы, вмѣсто физіологическихъ, будетъ найдено, и жизнь человѣческая потечетъ столь же ровно, какъ и жизнь муравьевъ. Покорно понесетъ каждый выпавшую ему долю... Кому въ утробѣ матери будетъ предписано воздѣлывать науку, тотъ понесетъ этотъ крестъ безъ ропота и будетъ терпѣливо подставлять свои неумѣлыя челюсти для принятія жареныхъ рябчиковъ, разжеванныхъ спеціально для того изготовленными особями. Кому выпадетъ счастье безполаго существованія, тотъ будетъ съ веселіемъ строить грады и веси и мостить стогны. Плодовитые будутъ спокойно плодиться и множиться и покорять землю»...*).

Легкая иронія, переходящая въ ѣдкій сарказмъ, которыми проникнута вся эта выдержка, великолѣпно оттѣняетъ основное заблужденіе буржуазныхъ экономистовъ и соціологовъ, претенду-

*) «Теорія Дарвина и общественная наука». Соч., I, стр. 165, 166, 167, 168, 176, 178, 179.

дующихъ на «безусловно объективную» оцѣнку общественныхъ явленій. А заблужденіе это, несомнѣнно, велико, ибо оно извращаетъ факты живой дѣйствительности, выставляетъ ихъ въ ложно-оптимистическомъ свѣтѣ, окрашиваетъ собою цѣлый строй идей.

Мы уже знаемъ, что «расхожденіе признаковъ» и «физіологическое раздѣленіе труда» двѣ вещи совершенно различныя, хотя тенденція отожествлять ихъ и долго держалась въ наукѣ. Одно время многіе біологи думали, что дарвиновскій принципъ расхожденія признаковъ есть въ сущности продолженіе беровскаго принципа «физіологическаго раздѣленія труда». Такова же и ошибка нѣкоторыхъ буржуазныхъ экономистовъ и соціологовъ: они не обратили должнаго вниманія на сходство между процессомъ расхожденія признаковъ и общественнымъ раздѣленіемъ труда. Какъ «видъ», приспособляясь къ различнымъ, но замкнутымъ условіямъ существованія, постепенно выдѣляетъ изъ себя нѣсколько отдѣльныхъ разновидностей, такъ и общество, состоящее въ началѣ изъ болѣе или менѣе однородныхъ индивидовъ, съ теченіемъ времени, будучи отдано всецѣло во власть борьбы и подбора, распадается на нѣсколько разнородныхъ и обособленныхъ группъ, которыя до извѣстной степени соотвѣтствуютъ зоологическимъ «разновидностямъ». Въ первомъ случаѣ разновидности являются продуктомъ «расхожденія признаковъ», въ послѣднемъ—продуктомъ общественнаго раздѣленія труда. Но, повторяю, дивергенція и физіологическое раздѣленіе труда часто—антагонисты: расхожденіе признаковъ нерѣдко совершается въ цѣляхъ приспособленія организмовъ къ сравнительно болѣе простой формулѣ жизни, а въ соотвѣтствіи съ этимъ понижается и типъ организаціи; физіологическое же раздѣленіе труда, наоборотъ, является въ результатѣ приспособленія къ болѣе сложной формулѣ жизни, то-есть, говоря иными словами, ведетъ къ повышенію типа организаціи. Такой же антагонизмъ существуетъ и между физіологическимъ и экономическимъ раздѣленіемъ труда: чѣмъ глубже врѣзывается это послѣднее въ соціальныя формы жизни, чѣмъ больше разнохарактерныхъ и разно-функціонирующихъ группъ образуется въ обществѣ, тѣмъ уже, однороднѣе и проще становится формула жизни для членовъ каждой такой группы; а это въ свою очередь ведетъ къ обѣднѣнію если не физіологическаго, то во всякомъ случаѣ психологическаго содержанія ихъ.

Тенденція отожествлять общественное раздѣленіе труда съ физіологическимъ вытекаетъ изъ другой, болѣе широкой тенденціи *отожествлять общество съ организмомъ*. Отсюда и пресловутая «органическая теорія общества», на борьбу съ которой такъ много силъ и знаній положилъ Михайловскій. Обрушиваясь всею тяжестью своей аргументаціи на органическую теорію общества, Михайловскій заранѣе отказывался судить о явленіяхъ общественной жизни со спокойствіемъ и безразличіемъ олимпійца, для котораго «все—все равно», лишь бы торжествовалъ какой-то сверхъчеловѣческій «объективизмъ». Онъ прямо заявлялъ, что, будучи человѣкомъ, онъ естественно долженъ считаться съ *его* горестями и радостями, страданіями и наслажденіями, позоромъ и славою; что, если предъ лицомъ безстрастной природы судьбы человѣка играютъ не большее значеніе, чѣмъ судьбы какого-нибудь муравья, то это нисколько не обязываетъ его подражать природѣ—ея безразличію и абсолютному объективизму, что самая претензія на такого рода «объективизмъ» всегда служила лишь маской, подъ которой скрывались субъективныя вожделѣнія, часто довольно-таки не высокаго полета. Ставя во главу угла всѣхъ своихъ теоретическихъ соображеній интересы всесторонне, гармонично-развитой личности, Михайловскій не могъ не видѣть, какъ гибельно отражается общественный процессъ, совершающійся по типу органическаго развитія, на судьбахъ этой личности, не могъ не подмѣтить регрессивной, деморализующей тенденціи общественнаго раздѣленія труда. Странно было бы предполагать, что отъ его вниманія ускользнутъ всѣ тѣ культурныя блага, которыя связаны съ процессомъ дифференцированія общества. Но прекрасно видѣлъ, какою ужасною цѣною куплены они — *цѣною внутренняго опустошенія личности*, т.-е. того самаго объекта, удовлетворенію интересовъ котораго и должны, повидимому, служить всѣ такъ называемые успѣхи цивилизаціи.

Уловивши этотъ полный глубокаго драматизма антагонизмъ между интересами общества, какъ цѣлаго, и личности, онъ пожелалъ вскрыть подлинное содержаніе его, указать его причины, рекомендовать мѣры къ устраненію его. Оказалось, что причины эти коренятся глубоко, въ самой структурѣ современнаго общества, въ тѣхъ принципахъ, на которыхъ держится оно. И, въ противовѣсъ хитросплетеніямъ представителей буржуазной науки, которые за-

тушевывали этотъ антагонизмъ, подмѣняя его вымышленной «гармоніей интересовъ», и восхваляя принципы борьбы, подбора и раздѣленія труда, ссылаясь на благодѣтельную роль ихъ во всей органической природѣ, — Михайловскій развернулъ свое знамя, на которомъ красовался девизъ: *борьба за индивидуальность*! Но прежде, чѣмъ сдѣлать это, ему пришлось расчистить путь отъ псевдо-научнаго мусора, который мѣшалъ правильному освѣщенію соціальныхъ фактовъ, фальсифицировалъ соціологическія истины, тормазилъ развитіе соціальной науки. Нужно было показать людямъ, всуе поминающимъ біологію и неумѣло цѣпляющимся за ея выводы, что борьба и подборъ, понимаемые въ зоологическомъ смыслѣ, причинили и продолжаютъ причинять человѣку не мало зла, и что экономическое раздѣленіе труда въ обществѣ приводитъ совсѣмъ не къ тому результату, къ которому приводитъ физіологическое раздѣленіе труда въ индивидѣ. Выполненію этой-то работы и посвященъ рядъ статей подъ общимъ заглавіемъ «Теорія Дарвина и общественная наука», а также статьи «Что такое прогрессъ?» и «Аналогическій методъ въ общественной наукѣ».

Я вовсе не хочу сказать, что Михайловскій первый указалъ на печальные результаты общественнаго раздѣленія труда, что до него никто не обращалъ вниманія на антагонизмъ между интересами общества, какъ цѣлаго, и интересами индивида. Нѣтъ, это отмѣтили едва-ли не раньше всѣхъ соціалисты, среди которыхъ достаточно указать, напримѣръ, на мощную фигуру К. Маркса. Но никто не подвергалъ данный вопросъ такой глубокой и всесторонней обработкѣ, какъ Михайловскій: это принадлежитъ ему и только ему!

IV.

Итакъ, въ противовѣсъ ученію о борьбѣ и подборѣ, Михайловскій выдвинулъ свою теорію борьбы за индивидуальность. Прежде чѣмъ говорить о значеніи этой теоріи для науки объ обществѣ, намъ необходимо разобраться въ основныхъ положеніяхъ ея. Положенія эти не заключаютъ въ себѣ ничего апріорнаго: *они опытнаго происхожденія и находятся въ полномъ*

согласіи съ данными біологіи—черта, вообще характерная для теоретическихъ выкладокъ Михайловскаго.

Такъ какъ въ борьбѣ за индивидуальность центральною фигурой является недѣлимое, то естественно, что Михайловскій останавливается довольно подробно на вопросѣ: *что такое недѣлимое, особь, индивидъ?* И мнѣ кажется, что, если бы Михайловскій писалъ статью свою «Органъ, недѣлимое или общество» не тридцать лѣтъ тому назадъ, а сейчасъ, онъ все же не отвѣтилъ бы на этотъ вопросъ лучше, чѣмъ тогда. Безспорно, біологическій матеріалъ, надъ которымъ ему пришлось бы оперировать теперь, былъ бы много богаче и куда свободнѣе отъ тѣхъ фактическихъ неточностей, наличность которыхъ въ статьѣ «Органъ недѣлимое и общество» объясняется относительно невысокимъ уровнемъ біологическихъ знаній того времени; безспорно, что, при болѣе внимательномъ отношеніи къ этимъ неточностямъ, Михайловскій могъ бы смѣло устранить ихъ при переработкѣ только что названной статьи въ рядъ главъ для позднѣйшей статьи его, извѣстной подъ заглавіемъ «Патологическая магія». Все это, однако, не мѣшаетъ намъ считать разсужденія Михайловскаго на тему объ индивидуальности справедливыми и потому заслуживающими самаго серьезнаго вниманія.

Что же такое, въ самомъ дѣлѣ, индивидъ? Отвѣчу возможно кратко въ томъ предположеніи, что у читателя имѣется достаточный запасъ элементарныхъ свѣдѣній по біологіи.

Индивидъ, какъ и многія иныя біологическія «категоріи» — напр., *животное, растеніе, видъ*—есть понятіе съ текучимъ, измѣнчивымъ содержаніемъ. Оставаясь на почвѣ общепринятаго опредѣленія, мы должны будемъ сказать, что индивидъ есть болѣе или менѣе замкнутая и самостоятельная единица—«недѣлимое» въ томъ смыслѣ, это при дробленіи на части оно теряетъ не только свою цѣлостность, но и *жизнеспособность*, то-есть гибнетъ. Конечно, въ примѣненіи, напримѣръ, къ высшимъ животнымъ такое опредѣленіе вполнѣ правильно и никакихъ недоразумѣній не порождаетъ.

Но вотъ передъ нами, положимъ, гидра или полипъ-актинія. Можно ли назвать ихъ недѣлимыми въ только что приведенномъ смыслѣ этого слова? Они, несомнѣнно, являются «болѣе или менѣе замкнутыми и самостоятельными единицами». Однако, гидру и

актинію можно разрѣзать на нѣсколько частей, и это нисколько не повліяетъ на ихъ жизнеспособность: пройдетъ небольшой промежутокъ времени, каждый отрѣзокъ разовьется до цѣлаго и станетъ въ свою очередь «болѣе или менѣе замкнутою, самостоятельною единицею». Стало быть, *въ данномъ случаѣ о недѣлимости недѣлимаго не можетъ быть и рѣчи.*

Пойдемъ дальше. Довольно сомнительною оказывается временами и другая особенность индивида—его самостоятельность, т.-е. способность вступать въ общеніе съ внѣшнимъ міромъ въ качествѣ автономнаго цѣлаго, умѣющаго жить на свой собственный рискъ и страхъ, независимо отъ помощи другихъ индивидовъ. Остановимся опять на двухъ—трехъ, типичныхъ въ этомъ отношеніи, примѣрахъ и возьмемъ на первый случай того самаго ракообразнаго паразита, о которомъ упоминалось во второй главѣ. *Морфологически* онъ представляетъ собою безспорно оформленное, замкнутое цѣлое; но въ то же время физіологическая зависимость, даже больше, рабство его не подлежитъ никакимъ сомнѣніямъ: жить самостоятельно, безъ помощи «хозяина», исполняющаго за него почти всѣ физіологическія функціи, за исключеніемъ функцій размноженія, этотъ паразитъ не можетъ. Стало быть, индивидуальность его въ этомъ смыслѣ выражена очень слабо, такъ какъ недѣлимое тутъ, собственно говоря, *сведено на степень органа.* Еще рѣзче такого рода физіологическая несостоятельность недѣлимыхъ выражена у знаменитыхъ сифонофоръ. Здѣсь въ одно общее тѣло соединены «недѣлимыя», крайне спеціализированныя въ своей дѣятельности и потому несходныя по виду и строенію: одни изъ нихъ способствуютъ передвиженію всей сифонофоры, другія защищаютъ ее отъ вредныхъ внѣшнихъ вліяній, третьи принимаютъ и перевариваютъ пищу, четвертыя служатъ дѣлу размноженія, пятыя сносятся съ окружающей средой и исполняютъ функціи чувствованія. Ни одинъ изъ этихъ, съ позволенія сказать, индивидовъ не можетъ существовать безъ остальныхъ, жизнь всѣхъ находится въ зависимости другъ отъ друга, отдѣльная особь представляетъ собою всего лишь часть цѣлаго, низведена на степень органа. Даже этихъ двухъ примѣровъ вполнѣ достаточно, чтобы имѣть право сказать, что «самостоятельность» индивида — вещь относительная и колеблется въ предѣлахъ между полною автономіей и всестороннимъ закрѣпо-

щеніемъ А между тѣмъ такими примѣрами изобилуетъ живая дѣйствительность, свидѣтельствуя въ тысячу первый разъ о томъ, что всевозможныя рамки, классификаціи и строгія опредѣленія всего лишь плодъ интеллектуальнаго творчества людей и никогда не могутъ быть полностью примѣнены къ вѣчно измѣнчивымъ и безконечно многообразнымъ формамъ одушевленной природы. Ужъ на что, казалось бы ясна граница между органомъ и недѣлимымъ! Но мы только что указали на недѣлимыхъ, которыя по ограниченности своихъ функцій и по безпомощности своего индивидуальнаго существованія недалеко ушли отъ типичныхъ органовъ. Съ другой стороны — и это заслуживаетъ особеннаго вниманія—многіе настоящіе органы или части цѣлаго сохранили въ себѣ особенности ярко выраженной индивидуальности и потому могутъ самостоятельно существовать, по крайней мѣрѣ, опредѣленный промежутокъ времени. Щупальце гидры есть, безъ сомнѣнія, органъ; а между тѣмъ въ этомъ органѣ свойства индивида настолько сильно сказываются, что щупальце, будучи оторвано отъ тѣла гидры, не гибнетъ, а продолжаетъ жить: увеличивается въ новую гидру, становится индивидомъ въ обычномъ смыслѣ этого слова. Лучъ морской звѣзды представляетъ во всякомъ случаѣ не цѣлое, а всего лишь часть цѣлаго. Это, однако, нисколько не мѣшаетъ каждому отдѣльному лучу, оторванному отъ того цѣлаго, которому онъ принадлежалъ, самому стать по прошествіи нѣкотораго времени «индивидомъ», т. е. превратиться въ пятилучевую морскую звѣзду. Наконецъ, такъ называемая «нога» головоногаго молюска по всѣмъ правиламъ здраваго смысла должна считаться органомъ. И тѣмъ не менѣе существуютъ головоногіе, у которыхъ въ извѣстную пору жизни одна изъ ногъ отрывается и ведетъ нѣкоторое время самостоятельное существованіе, не преображаясь вовсе въ настоящее животное, какъ это происходитъ со щупальцемъ гидры или съ лучемъ морской звѣзды, а просто оставаясь на положеніи «ноги», только ноги, если моно такъ выразиться, независимой, автономной. Словомъ, если не всякая особь надѣлена даромъ независимаго существованія, то, съ другой стороны, не всякій органъ и не всякая часть цѣлаго лишена этого дара: какъ есть особи мало самостоятельныя или вовсе не самостоятельныя, точно также есть и органы, части цѣлаго, иногда очень самостоятельные.

Итакъ, два существенныхъ признака въ обычномъ опредѣленіи индивида—недѣлимость въ прямомъ смыслѣ этого слова и самостоятельность — не всегда оправдываются фактами дѣйствительности. Посмотримъ теперь, насколько правильно утвержденіе, будто индивидъ есть «замкнутая, самодовлѣющая *единица*». Еще Гете сказалъ: «Все живое есть многое, а не единое; даже являясь намъ въ видѣ недѣлимаго, оно остается совокупностью живыхъ, самостоятельныхъ единицъ». Этотъ афоризмъ геніальнаго поэта-мыслителя, пройдя сквозь горнило позитивной мысли, потерялъ свой метафизическій привкусъ и сталъ однимъ изъ краеугольныхъ камней науки о жизни. Въ самомъ дѣлѣ. Явленія регенерація—собственно тѣ случаи ея, когда часть возстановляетъ цѣлое, — и явленія безполаго размноженія (дѣленіе и почкованіе) показываютъ, что отдѣльныя части живой единицы нерѣдко надѣлены свойствами цѣлаго; а отсюда слѣдуетъ, что каждая такая единица на самомъ-то дѣлѣ не единица, а цѣлый комплексъ единицъ, болѣе или менѣе автономныхъ .Такими единицами второго порядка оказываются иногда даже органы, т.-е. спеціализированныя части индивида. Это во-первыхъ.

Затѣмъ микроскопъ показываетъ, что любой изъ органовъ въ свою очередь представляетъ собою цѣлый аггрегатъ отдѣльныхъ единицъ еще болѣе низшаго порядка, которыя современною наукою считаются за истинныхъ носителей жизни и окрещены именемъ клѣтокъ .Правда, индивидуальность—въ смыслѣ самостоятельности—клѣтокъ, входящихъ въ составъ сложнаго организма, въ значительной степени ослаблена исполненіемъ возложенныхъ на нихъ спеціальныхъ функцій; но, принимая въ соображеніе хотя бы только явленія регенераціи и безполаго размноженія, надо будетъ признать, что клѣтки надѣлены до извѣстной степени «свойствами цѣлаго», и что стало быть, онѣ такъ же могутъ быть разсматриваемы, какъ индивиды низшаго порядка. Мало этого. Хорошо извѣстно, что естествознаніе нашихъ дней считаетъ за «многое» и то «единое», которому дано названіе клѣтки .Согласно теоріямъ, пріобрѣтшимъ въ біологіи нѣкоторыя права гражданства, клѣтка является «сложнымъ организмомъ», составленнымъ изъ милліоновъ мельчайшихъ, едва видимыхъ въ микроскопъ структурныхъ единицъ; каждая такая «единица» есть индивидъ въ такой же мѣрѣ, въ какой считается особью

клѣтка. Идя въ этомъ направленіи все дальше и дальше, изъ міра едва уловимыхъ реальностей въ воображаемый міръ символовъ и фикцій, мы станемъ открывать все новыя и новыя формы индивидуальности: сначала это будутъ «біогены» и «біофоры» — тѣ самые «производители и носители жизни», которые, по мысли Ферворна и Вейсмана, оказываются предѣльными строительными элементами живого вещества, затѣмъ — молекулы, еще дальше — атомы и т. д. до безконечности ибо предѣла дѣлимости матеріи не существуетъ. Такъ «единое» постепенно распадается на цѣлый рядъ какъ бы включенныхъ друга въ друга индивидуальностей и, теряя отличительныя свойства свои, цѣлостность и замкнутость, претворяется во «многое».

Но и это еще не все. Отъ безконечно малаго идетъ прямая дорога къ безконечно большому, отъ индивидуальности простой не трудно постепенно подняться, черезъ цѣлый рядъ промежуточныхъ ступеней, къ индивидуальности, отличающейся чрезвычайною, почти фантастическою сложностью. И здѣсь мысль человѣческая сперва вращается въ мірѣ реальностей, а затѣмъ ужъ переходитъ въ міръ отвлеченностей.

Что представляетъ собою, напримѣръ, вышеупомянутая сифонофора—отдѣльный индивидъ или агрегатъ недѣлимыхъ? Морфологически—собраніе индивидовъ, физіологически—одно сложное недѣлимое. Чѣмъ является любое дерево — отдѣльнымъ индивидомъ или собраніемъ таковыхъ? Вѣдь листостебельные побѣги и почки дерева, разсматриваемые въ отдѣльности, могутъ быть признаны за недѣлимые не только въ морфологическомъ, но и въ физіологическомъ отношеніи, ибо каждый листостебельный побѣгъ и каждая почка надѣлены въ значительной степени физіологической самостоятельностью. Слѣдовательно, дерево есть въ одно и то же время и сложный индивидъ, и собраніе особей. А какъ назовете вы, положимъ, семейную общину муравьевъ? Она въ извѣстномъ смыслѣ есть «цѣлое», отмѣченное печатью индивидуальности. Такими же «самодовлѣющими единицами» могутъ быть названы и всякая семья, общество, раса, видъ. Подымаясь отъ только что названныхъ ступеней индивидуальности все выше и выше, мы постепенно придемъ къ тому, что сперва заберемъ за одну скобку весь міръ растеній и животныхъ,

затѣмъ признаемъ индивидами отдѣльныя небесныя тѣла, а въ томъ числѣ и землю, и, наконецъ, охватимъ желѣзнымъ кольцомъ единой, всеобъемлющей индивидуальности все мірозданіе. Въ общемъ картина, какъ видите, получается грандіозная: передъ нами цѣпь индивидуальностей, различныхъ степеней развитія и различнаго объема, отъ гипотетическаго атома до теряющагося въ безконечности мірозданія. Вотъ почему въ началѣ главы я сказалъ, что индивидъ — понятіе съ текучимъ, измѣнчивымъ содержаніемъ; вотъ почему наука, отказываясь дать всеисчерпывающій отвѣтъ на вопросъ—что такое индивидъ, находитъ возможнымъ говорить о различныхъ формахъ и степеняхъ индивидуальности. Эта именно мысль легла въ основаніе теоретическихъ представленій Михайловскаго объ индивидѣ и индивидуальности. Онъ пишетъ:

«...Индивидъ есть непремѣнно цѣлое въ тотъ моментъ, когда мы о немъ мыслимъ, какъ объ индивидѣ. Но мы можемъ представить себѣ всякое цѣлое въ видѣ системы концентрическихъ круговъ и послѣдовательно мыслить о каждомъ изъ нихъ, какъ о цѣломъ... Мы должны, слѣдовательно, допустить равличныя степени индивидуальности...

«Высшія животныя, по которымъ составляются наши первыя, грубыя понятія, объ индивидуальности, успѣвшія войти въ языкъ до повѣрки ихъ научнымъ путемъ, характеризуются, какъ недѣлимыя, двумя чертами: во-первыхъ замкнутою единичностью, во-вторыхъ, способностью къ самостоятельной жизни. Первая составляетъ морфологическую, вторая — физіологическую черту индивидуальности...

Каждая изъ ступеней индивидуальности можетъ являться и морфологической, и физіологической единицей. Въ самыхъ низшихъ органическихъ формахъ эти единицы совпадаютъ, и клѣточка въ такихъ формахъ есть индивидъ и морфологическій, и физіологическій. Вступая, какъ подчиненная, составная часть въ индивидъ высшаго порядка, клѣточка сохраняетъ свою морфологическую индивидуальность и болѣе или менѣе утрачиваетъ индивидуальность физіологическую. Точно также, на другомъ концѣ классификаціи, личности (Personen) медузъ и полиповъ, соединенныя въ колоніяхъ сифонофоръ, суть только морфологическіе индивиды, тогда какъ свободно живущіе полипы и медузы совмѣщаютъ въ себѣ и морфологическія, и физіологическія черты индивидуальности. Какъ существуютъ рудиментарные органы, органы безъ отправленій, такъ существуютъ и недѣлимыя въ тѣсномъ смыслѣ слова, снизошедшія до степени простого органа.

«Вступая въ высшую индивидуальность въ качествѣ подчиненныхъ частей, клѣточки остаются индивидуальны морфологически, т.-е. не теряютъ своей оформленности и замкнутой единичности, но уже не могутъ вступать

въ отношенія къ внѣшнему міру, какъ физіологическія единицы; ихъ физіологическая индивидуальность, по прекрасному выраженію Спенсера, болѣе или менѣе «помрачается». Онѣ могутъ жить только въ извѣстной, строго опредѣленной общественной комбинаціи, становясь полиморфными, при чемъ сумма способностей, заключавшихся, такъ сказать, въ скрытомъ состояніи въ каждой отдѣльной клѣточкѣ распредѣляется по цѣлому ряду ихъ, и тамъ уже каждая изъ способностей получаетъ дальнѣйшее развитіе. Степень полиморфизма, т.-е. разнородности клѣточекъ, находится въ прямомъ отношеніи къ силамъ построеннаго на ихъ счетъ индивида высшаго порядка и въ обратномъ отношеніи къ ихъ собственной физіологической индивидуальности.

«Чѣмъ выше будемъ мы подниматься вверхъ по лѣстницѣ организмовъ, тѣмъ клѣточки будутъ оказываться все болѣе и болѣе закрѣпощенными цѣлому, высшей индивидуальности... Этотъ антагонизмъ между индивидуальностью цѣлаго и индивидуальностью частей, между «единымъ» и «многимъ», составляетъ, очевидно, необходимое условіе понятія индивидъ» *) (Курсивъ всюду мой).

Послѣднія слова вводятъ насъ въ циклъ новыхъ явленій, на которыя до Михайловскаго почему-то обращали слишкомъ мало вниманія, но которыя представляютъ тѣмъ не менѣе громадный теоретическій интересъ.

Передъ нами прошелъ рядъ индивидуальностей различной сложности. Оставаясь въ рамкахъ обычныхъ представленій, мы можемъ расположить ихъ въ слѣдующемъ восходящемъ порядкѣ: *клѣтка, органъ, недѣлимое* (въ узкомъ значеніи этого слова), *семья* и *колонія* или *общество*. Каковы же отношенія между этими *различными ступенями* индивидуальности—вотъ вопросъ, на который нужно искать отвѣта у живой дѣйствительности. Отвѣтъ этотъ носитъ вполнѣ опредѣленный характеръ и сводится къ слѣдующему.

Различныя ступени индивидуальности враждебны другъ другу: «высшая стремится подавить низшую, обращая ее въ свою служебную часть и побуждая ее къ высокому, но одностороннему развитію въ этомъ спеціальномъ служебномъ направленіи; низшая же, продѣлывая то же самое по отношенію къ индивидуальностямъ, еще ниже стоящимъ, въ то

---

*) «Патологическая магія», Соч., II, 346, 348, 349, 351.

же время отстаиваетъ свою самостоятельность отъ посягательствъ высшей *) (Курсивъ мой).

Каждая изъ нихъ ведетъ борьбу, такъ сказать, на два фланга: съ одной стороны, стремится подчинить себѣ всецѣло рядъ низшихъ индивидуальностей, приспособляя ихъ къ цѣлесообразному исполненію тѣхъ отправленій, съ которыми связанъ возможно широкій размахъ ея собственной жизни; съ другой стороны, выгораживаетъ себя отъ такихъ же поползновеній высшей индивидуальности, пытающейся поглотить ее въ интересахъ расширенія собственной формулы жизни. Эта борьба, какъ и всякая борьба, ведется съ перемѣннымъ счастьемъ и влечетъ за собою рядъ побѣдъ и пораженій: нынче одолѣваетъ одна изъ ступеней индивидуальности, завтра другая. Однако антагонизмъ все же не прекращается: побѣжденные ищутъ возможности какъ-нибудь снова заявить о своемъ «я», если не прямыми, то окольными путями, а побѣдители стремятся къ новымъ завоеваніямъ, къ еще большему расширенію своихъ индивидуальныхъ правъ и полномочій. Исторія жизни на нашей планетѣ служитъ нагляднымъ доказательствомъ этой не прекращающейся разбитіе, усовершенствованіе живыхъ формъ природы, обусловли- *борьбы за индивидуальность*, и весь органическій *прогрессъ*, вается прежде и больше всего борьбою за индивидуальность, которую *не слѣдуетъ смѣшивать съ борьбою за существованіе* дарвинистовъ. Почему не слѣдуетъ—сейчасъ увидимъ.

Побѣда въ борьбѣ за индивидуальность всегда ведетъ къ усовершенствованію той формы индивидуальности, которая одержала побѣду. Если это индивидъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, то организація и функціи его дѣлаются многообразнѣе, а связь и подчиненность между составляющими его органами усиливается; если это какая-либо общественная индивидуальность, напр., семья или колонія, то и она становится не только сложнѣе по составу, но и централизованнѣе въ смыслѣ большей зависимости образующихъ ее частей какъ другъ отъ друга, такъ и отъ цѣлаго.

Въ борьбѣ же за существованіе побѣда часто и сопровождается, и обусловливается пониженіемъ индивидуальности, имѣвшей счастье или несчастье одержать побѣду, т.-е. ока-

---

*) Ibid., 352.

заться наиболѣе приспособленной къ условіямъ данной среды и преходящаго момента. Безполый муравей-рабочій—побѣдитель въ борьбѣ за существованіе—есть въ сущности побѣжденный въ борьбѣ за индивидуальность: его «личность» до извѣстной степени поглощена слѣдующей ступенью индивидуальности—всею муравьиною общиной, разсматриваемой какъ нѣчто «единое» и замкнутое; ракообразный паразитъ, избранникъ въ конкурренціи за элементарныя блага жизни, опять-таки есть ни больше, ни меньше, какъ потерпѣвшій крушеніе въ борьбѣ за индивидуальность: «личность» его въ значительной степени «помрачена» печальною необходимостью подчиниться властнымъ требованіямъ среды; смѣхотворныя «особи» сифонофоры, тоже своего рода побѣдители въ жизненномъ состязаніи, являются de facto разбитыми на голову въ борьбѣ за индивидуальность: «личность» ихъ не то что помрачена, а просто сведена на степень органа, всецѣло порабощеннаго «высшею индивидуальностью», т.-е. сифонофорой, какъ централизованнымъ цѣлымъ. Разсуждая иначе, мы можемъ сказать и такъ: «типъ развитія» въ борьбѣ за индивидуальность повышается, тогда какъ борьба за существованіе обыкновенно завершается «высокой степенью развитія *пониженнаго типа*». Дальше намъ придется еще коснуться этого важнаго вопроса. Здѣсь же отмѣчу пока слѣдующее: основные принципы предложеннаго Михайловскимъ ученія о борьбѣ за индивидуальность покоятся, какъ видите, на тѣхъ же фактическихъ и теоретическихъ данныхъ, которыя были направлены имъ противъ прямолинейныхъ дарвинистовъ въ общественной наукѣ, какъ біологовъ, такъ и буржуазныхъ экономистовъ и соціологовъ—фактъ, свидѣтельствующій о цѣльности и опредѣленности міросозерцанія русскаго соціолога и всей, такъ называемой, «школы» его.

Статьи Михайловскаго о борьбѣ за индивидуальность остались, какъ извѣстно, незаконченными: въ нихъ автору удалось подвергнуть обстоятельному анализу антагонизмъ и связанные съ этимъ антагонизмомъ конфликты только между двумя сосѣдними ступенями индивидуальности—личностью въ тѣсномъ смыслѣ этого слова и семей. Я позволю себѣ напомнить лишь нѣсколько штриховъ изъ этихъ статей, съ цѣлью иллюстрировать на частномъ примѣрѣ главнѣйшіе тезисы теоріи борьбы за индивидуальность.

Есть много основаній думать, что гермафродитизмъ предшествовалъ существованію раздѣльнополыхъ организмовъ. Гермафродиты *по типу* своего развитія, безспорно, выше существъ однсполыхъ; гермафродиты—это тѣ самые «идеальные типы», которые, подъ вліяніемъ многовѣковой борьбы за существованіе, подверглись процессу расхожденія признаковъ, раскололись на двѣ разнополыя половинки; существа же однополыя — это «типы практическіе», это побѣдители въ борьбѣ за существованіе и въ то же время — побѣжденные въ борьбѣ за индивидуальность. Будучи всего лишь частями нѣкогда побѣдоноснаго цѣлаго, они, выражаясь словами Михайловскаго, «*другъ безъ друга жить не могутъ, и въ то же время рабы другъ для друга*». Конкретно эта невозможность жить другъ безъ друга, это роковое взаимное рабство выражается въ видѣ тяготѣнія разрѣзанныхъ біологическимъ процессомъ половинокъ другъ къ другу—тяготѣнія, которое именуется то половымъ инстинктомъ, то любовью, смотря по степени развитія осложняющихъ и расцвѣчивающихъ его эмоцій. Самое происхожденіе полового инстинкта относится, надо полагать, къ тому моменту исторіи жизни на землѣ, когда полы впервые обособились. Рискуя быть уличеннымъ въ склонности къ «метафизическому мышленію», я все же готовъ сказать, что эти злосчастныя «половинки», созданныя роковымъ для индивида процессомъ дивергенціи, какъ бы «*помнятъ*» о томъ, что онѣ — всего лишь части нѣкогда стройнаго цѣлаго, и въ томительномъ стремленіи вернуть эту утраченную ими цѣлостность неудержимо влекутся другъ къ другу. И мнѣ кажется, что это именно и имѣлъ въ виду Михайловскій, когда, размышляя на тему о любви у людей, писалъ: «Любовь есть стремленіе къ цѣлостности, стремленіе людей другъ къ другу, съ цѣлью возстановленія первобытной могучей природы человѣка. Каждый изъ насъ есть только полъ-человѣка, и каждая половина ищетъ своей половины. Счастливый бракъ есть случай удачнаго подбора половинокъ, несчастливый — неудачнаго» *). Нечего и прибавлять, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о компенсаціи тѣхъ половыхъ различій, физическихъ и психическихъ, которыя извѣстны

---

*) «Борьба за индивидуальность». Соч., I, 509.

подъ именемъ «вторичныхъ половыхъ признаковъ» и созданы какъ біологическимъ, такъ и историческимъ процессомъ.

Итакъ, мы можемъ сказать, что половой инстинктъ и высшее выраженіе его, любовь у людей, должны были служить орудіемъ въ борьбѣ индивида за утраченную имъ цѣлостность. Но *они же положили начало и семьѣ*, т.-е. болѣе сложной, по сравненію съ личностью, индивидуальности. Отсюда рядъ новыхъ конфликтовъ и глубоко драматическихъ коллизій. Это — поистинѣ какая-то трагедія. Потерпѣвъ крушеніе въ борьбѣ съ дифференцирующимъ вліяніемъ подбора, разсѣченный на-двое процессомъ расхожденія признаковъ, индивидъ потянулся всѣмъ существомъ своимъ къ семьѣ, мечтая въ ней обрѣсти возрожденіе, въ надеждѣ вернуть свое «былое могущество», но мечта оказалась иллюзорной: семья наложила на личность новыя цѣпи, сократившіи ея и безъ того урѣзанную индивидуальность въ интересахъ собственнаго расцвѣта. Пока она находилась на сравнительно низкомъ уровнѣ развитія, личность пользовалась нѣкоторымъ просторомъ, отстаивая то тамъ, то здѣсь свою относительную самостоятельность; но вотъ семья окрѣпла, налегла на личность всею своею тяжестью, и особь стала «рабой»—рабой «цѣлаго» и другой такой же, какъ сама она, рабы. Почему случилось такъ, а не иначе, — на это нужно искать отвѣта въ ученіи о борьбѣ за индивидуальность. Тутъ столкнулись двѣ сосѣднія ступени индивидуальности: личность и семья— антагонисты постольку, поскольку побѣда одной является пораженіемъ для другой. Мы знаемъ уже, что самимъ процессомъ своего развитія всякая ступень индивидуальности «*установляетъ между своими частями раздѣленіе труда и вмѣстѣ съ тѣмъ зависимость и рабство*», и что «*процессы дифференцированія двухъ сосѣднихъ ступеней индивидуальности необходимо враждебны другъ другу*» (Ibid., 504). Слѣдовательно, и въ данномъ случаѣ семья, въ качествѣ индивидуальности высшаго порядка, «развиваясь, установляетъ между своими частями раздѣленіе труда, назначаетъ своимъ членамъ различныя занятія, на физической организаціи членовъ» (Ibid., 504). И чѣмъ опредѣленнѣе и ярче вырисовывается индивидуальность семьи, тѣмъ глубже становится разница между полами, тѣмъ одностороннѣе, спеціализированнѣе дѣлаются образующіе ее члены. Побѣда ея,

какъ индивидуализированнаго цѣлаго, ведетъ или къ пониженію физическаго типа личности, или, въ лучшемъ случаѣ, къ высокой *степени* развитія такого *пониженнаго* типа.

Это, разумѣется, всего лишь *схема* взаимотношеній между личностью и семьей. Жизнь, не укладывающаяся ни въ какія закостенѣлыя рамки, варьируетъ ее на тысячу ладовъ и временами такъ сильно искажаетъ, что только умъ такого тонкаго и проницательнаго изслѣдователя, какъ Михайловскій, въ состояніи былъ уловить ее въ грудѣ крайне сложныхъ, запутанныхъ и противорѣчивыхъ данныхъ живой природы и исторіи.

Еще сложнѣе, запутаннѣе и, если хотите, трагичнѣе становится положеніе личности вмѣстѣ съ возникновеніемъ и развитіемъ общества. Тутъ на нее налегаютъ уже двѣ различныя, да къ тому же еще враждебныя между собою, ступени индивидуальности: недѣлимому приходится приспособляться не только къ требованіямъ каждой изъ нихъ въ отдѣльности, но и къ тѣмъ конфликтамъ, которые создаются на почвѣ столкновеній между семьей и обществомъ. Объ этомъ, впрочемъ, въ слѣдующей главѣ. Замѣчу кстати, что дальше намъ придется покинуть почву общихъ разсужденій и заняться исключительно судьбою *человѣческой личности* въ ея борьбѣ съ индивидуальностями высшаго порядка.

V

Ученіе о борьбѣ за индивидуальность легло въ основу всего соціологическаго міровоззрѣнія Михайловскаго. Усвоивши правильно принципы этого ученія, не трудно понять, почему онъ такъ, а не иначе освѣщаетъ различныя общественныя явленія, почему въ его воображеніи рисуется тотъ, а не иной общественный идеалъ.

Онъ пишетъ: «Борьба за индивидуальность, возникающая для человѣческой личности изъ отведеннаго ей природою положенія, обязательна, очевидно, въ двухъ направленіяхъ. Во-первыхъ, личность должна безпощадно подчинять себѣ, какъ цѣлому, всѣ входящія въ ея составъ низшія индивидуальности; должна, слѣдуя старому девизу—divide et impera,—строго проводить раздѣленіе труда между своими органами, требовать отъ нихъ отъ

всѣхъ напряженной спеціальной работы въ ея, личности, интересахъ. Во-вторыхъ, личность должна противодѣйствовать тому, чтобы римскій девизъ—divide et impera—прилагался къ ней со стороны какой бы то ни было ступени индивидуальности, какими бы пышными именами она ни называлась. Этими двумя требованіями въ сущности исчерпывается антропологическая или —что то же, какъ въ буквальномъ, такъ и въ условномъ значеніи слова—гуманная точка зрѣнія на міръ. Всякія другія точки зрѣнія будутъ лишь попытками стать либо выше либо ниже той ступени лѣсницы индивидуальности, на которой человѣкъ стоитъ по самой природѣ своей, а слѣдовательно, не приличествуютъ человѣческой мысли» *).

Въ этихъ строкахъ, къ которымъ какъ нельзя лучше подходитъ извѣстный афоризмъ: «словамъ тѣсно — мыслямъ просторно»,—выкристаллизовалось центральное положеніе всѣхъ соціологическихъ построеній Михайловскаго. Предъ нами сжатая, но многообъемлющая формула. Вскрыть содержаніе ея—вотъ ближайшая цѣль настоящей главы.

Что же говоритъ намъ эта формула? Прежде всего слѣдующее.

Прогрессъ личности и общественный прогрессъ, *совершающійся по типу органическаго развитія* — нарочно подчеркиваю эту фразу—антагонисты, то-есть взаимно парализуютъ и исключаютъ другъ друга; соціальное развитіе, *если только оно происходитъ по типу перехода отъ однороднаго къ разнородному*, противорѣчитъ развитію индивидуальному; всякая побѣда общества, какъ самодовлѣющаго цѣлаго, въ борьбѣ за индивидуальность является пораженіемъ для личности. Все это, быть можетъ, и парадоксально на первый взглядъ, но по существу совершенно вѣрно—печальная истина, съ которою упорно не желаютъ считаться люди, краснорѣчиво, но зря толкующіе объ общественной дифференціаціи, о соціальномъ прогрессѣ, о выгодахъ экономическаго раздѣленія труда, о пользѣ спеціализаціи и объ иныхъ, столь же прекрасныхъ, но двусмысленныхъ, предательскихъ вещахъ. Обратитесь къ первобытной культурѣ человѣчества, перелистайте книгу всемірной исторіи народовъ и государствъ, остановите, наконецъ, свое благосклонное вниманіе на рѣжущихъ глаза и смущающихъ

*) «Патологическая магія». Соч.,II, 353, 354.

совѣсть фактахъ современной дѣйствительности—и всюду вы натолкнетесь на примѣры яркаго антагонизма между личностью и обществомъ, какъ централизованнымъ цѣлымъ. Да, длиненъ-таки скорбный листъ, на которомъ безстрастною рукою времени начертаны пораженія, понесенныя личностью человѣка въ борьбѣ съ индивидуальностями «высшаго порядка». Но вѣдь не однимъ же сплошнымъ мартирологомъ является исторія человѣчества! Переберите у себя въ памяти всѣ наиболѣе свѣтлые, высокіе моменты ея, и вы увидите, что они всегда совпадаютъ съ протестомъ—личности противъ узъ, налагаемыхъ на нее различными формами общественной индивидуальности, противъ приспособляющаго, нивеллирующаго вліянія ихъ.

Странно было бы, конечно, думать, что Михайловскій, равно какъ и сторонники предлагаемаго имъ ученія о борьбѣ за индивидуальность, совершенно игнорируютъ роль общества въ дѣлѣ расширенія и обагащенія нашего «я» путемъ сучуственнаго опыта, дающаго человѣку возможность переживать чужую жизнь и пользоваться результатами переживаній другихъ людей. Этого никто не можетъ игнорировать, этого нельзя забыть. Весь вопросъ сводится лишь къ тому, какъ вліяетъ на личность господствовавшій въ исторіи человѣчества и господствующій въ современномъ обществѣ типъ коопераціи. А онъ, несомнѣнно, враждебенъ интересамъ личности постольку, поскольку держится на принципѣ экономическаго раздѣленія труда и прогрессируетъ по формѣ органическаго развитія. «Собственно говоря, благодѣтельная для развитія личности сторона общественной жизни не исчезаетъ совершенно даже въ кастовомъ устройствѣ, вообще представляющемъ едва-ли не наиболѣе яркій случай порабощенія личности обществомъ. Спеціалистъ умственной дѣятельности, браминъ, вполнѣ способенъ обогатить запасъ своихъ личныхъ наслажденій сочувствіемъ къ наслажденіямъ всѣхъ подобныхъ ему браминовъ. Точно также благодѣтельно въ извѣстныхъ предѣлахъ даетъ себя знать сочувственный опытъ, какъ орудіе познаванія. Но, съ другой стороны, устраняя себя отъ матеріальной и вообще практической дѣятельности, браминъ непремѣнно суживаетъ сферу своей жизни. И кругъ его наблюденій становится уже, и возможность пережить жизнь людей, занятыхъ другими задачами, утрачивается; наконецъ, кругъ доступныхъ ему наслажденій болѣе или менѣе огра-

ничивается исключительно умственною дѣятельностью»*). А браминъ въ этомъ отношеніи куда счастливѣе какого-нибудь узкаго спеціалиста науки нашихъ дней: онъ все же представитель знанія вообще, болѣе или менѣе сложный аппаратъ мышленія, тогда какъ какой-нибудь современный лепидоптерологъ или капролитологъ**) является всего лишь частью этого аппарата, удовлетворяющейся жалкими огрызками мысли, — правда, систематизированной и поднятой соотвѣтствующимъ напряженіемъ на высокую ступень односторонняго развитія. По мѣрѣ того, какъ принципъ *сложнаго сотрудничества* осуществляется въ обществѣ, оно раздробляется на обособленныя группы, изъ которыхъ каждая имѣетъ свои собственные интересы, цѣли и идеалы, недоступные пониманію другихъ группъ. Въ предѣлахъ любой изъ этихъ группъ личное «я» ея представителей можетъ расширяться, да и на самомъ дѣлѣ расширяется, но это будетъ въ лучшемъ случаѣ спеціализированное, групповое, а не многообъемлющее человѣческое «я»: серебряный рубль размѣнивается на цѣлый десятокъ гривенниковъ, быть можетъ, и очень блестящихъ, но все же гривенниковъ; личность достигаетъ *высокой степени* развитія *пониженнаго типа*. Скованные по рукамъ и ногамъ желѣзною цѣпью общественной индивидуальности, «рабы цѣлаго и другъ друга», жертвы деморализующаго девиза «divide et impera», клочья души, изодранной на части во славу Молоха, носящаго какое-нибудь «пышное названіе»,—они, эти жалкіе обломки человѣческой личности, гордящіеся своимъ *групповымъ* самосознаніемъ, *сословными* добродѣтелями, *профессіональною* честью, *цеховой* логикой, *кастовой* психологіей, *классовой* идеологіей, утрачиваютъ всякое представленіе о солидарности своей съ другими такими же обломками, перестаютъ понимать другъ друга, не сознаютъ возможности добиваться соединенными усиліями возстановленія своей цѣлостности и единства—да, кстати сказать, часто и не чувствуютъ никакой необходимости въ этомъ. «Человѣкъ, выработавшій себѣ особенную напряженность того или другого спеціальнаго отправленія и болѣе или менѣе заглушившій въ себѣ всѣ остальныя, естественнымъ образомъ — говоритъ Михайловскій—понимаетъ и

*) «Борьба за индивидуальность». Соч., I, 462.

**) Капролитами называются ископаемые экскременты животныхъ.

цѣнить только то, что тѣсно соприкасается съ его спеціальнымъ отправленіемъ. Понятіе о единствѣ индивидуальности человѣка здѣсь не имѣетъ мѣста. *Центромъ помысловъ и стремленій становится не человѣкъ, какъ недѣлимое, не вся совокупность человѣческаго организма, а нѣкоторая отвлеченная категорія.* Членъ общества, въ которомъ раздѣленіе труда провело достаточно глубокія борозды, не въ состояніи охватить понятіе человѣка во всей его цѣлости и недѣлимости; онъ можетъ понять и оцѣнить только ту долю человѣка, которая развита въ немъ самомъ» *) (курсивъ мой).

Не разъ уже высказывалось мнѣніе, что Михайловскій, такъ настойчиво и горячо боровшійся съ защитниками органической теоріи общества, на самомъ дѣлѣ лишь способствовалъ укрѣпленію позиціи своихъ принципіальныхъ противниковъ, что всѣ его крупныя соціологическія работы не опровергаютъ, а, наоборотъ, доказываютъ истинность этой теоріи. Мнѣ кажется, что и въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло либо съ недоразумѣніемъ, либо съ недомысліемъ. Неужели можно думать, что писатель, такъ глубоко понимавшій связь человѣка со всею живой природой, былъ настолько тенденціозенъ и слѣпъ, что упустилъ изъ виду очевиднѣйшій фактъ? Неужели можно серьезно доказывать, что авторъ «Борьбы за индивидуальность» изгналъ человѣка за границы живой дѣйствительности, поставилъ его внѣ природы, а слѣдовательно, и внѣ вліянія тѣхъ могучихъ факторовъ, которые управляютъ судьбами всего организованнаго міра? Ничего подобнаго! Михайловскій прекрасно видѣлъ, что борьба за существованіе и подборъ играли и продолжаютъ играть громадную роль въ историческихъ судьбахъ человѣчества; что вліяніе этихъ факторовъ сказывается среди людей такъ же, какъ и во всемъ остальномъ организованномъ мірѣ, т.-е. ведетъ къ расхожденію признаковъ, къ дифференціаціи общества, къ увеличенію его разнородности, къ приспособленіямъ въ спеціальныхъ направленіяхъ, —словомъ, ко всему тому, что *принято* называть прогрессомъ, и что на самомъ дѣлѣ совсѣмъ не заслуживаетъ этого названія; онъ не хуже сторонниковъ теоріи «общественнаго организма» подмѣтилъ организующую тенденцію историческаго прогресса, низ-

*) «Что такое прогрессъ?» Соч., I, 92.

водящаго личность на степень органа въ интересахъ всесторонняго развитія индивидуальностей высшаго порядка. Но только тамъ, гдѣ защитники органической теоріи общества приходили въ восторгъ, онъ сокрушался; гдѣ они усматривали благо и прогрессъ, онъ видѣлъ зло и регрессъ; гдѣ они пѣли «многія лѣта», онъ провозглашалъ анафему. Да, повторялъ Михайловскій множество разъ для вразумленія своихъ противниковъ и единомышленниковъ,—пусть будетъ по вашему: признаю, что «объективный ходъ вещей» всегда *стремился* направить общество, эту индивидуальность высшаго порядка, по руслу «органическаго развитія». Но признайте же, наконецъ, и вы, что въ этомъ нѣтъ ничего хорошаго, радостнаго, желательнаго, что человѣкъ *также всегда* врывался со своими «субъективными запросами» въ «объективный ходъ вещей», часто парализуя и даже направляя его по желанному для себя пути, ибо ему нѣтъ никакого дѣла до процвѣтанія «общества», независимо отъ процвѣтанія входящихъ въ составъ этого общества личностей, ибо только заботы объ интересахъ и всестороннемъ развитіи этихъ послѣднихъ «приличествуютъ человѣческой мысли»; признайте, что общественный процессъ, совершающійся по типу органическаго развитія, есть процессъ болѣзненный, *патологическій*, и что намъ нужно не славословить его, а бороться съ нимъ. Еще въ 1869 году въ статьѣ «Что такое прогрессъ?» Михайловскій писалъ: «Если общество развивается по типу органическаго прогресса, т.-е. переходя отъ однородности къ разнородности, дробясь на классы, подклассы и т. д., то непосредственно исходя изъ закона Бэра, *мы должны признать такое явленіе патологическимъ, а не нормальнымъ развитіемъ*, потому что недѣлимое при этомъ переходитъ отъ разнородности къ однородности, т.-е. регрессируетъ... Превращеніе недѣлимаго въ органъ, сопровождаемое нарушеніемъ его цѣлостности и независимости, есть развитіе разнороднаго въ однородное, общаго въ спеціальное, многостороннаго въ одностороннее, а, слѣдовательно, такое превращеніе ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть подведено подъ законъ Бэра. Это—*развитіе патологическое*, а не физіологическое, а идея соціальнаго организма — «двойная бухгалтерія» (курсивъ мой) *). Это «патологическое развитіе»—

*) Сочиненія, I, 41, 54.

фактъ первостепенной важности, которымъ должна опредѣляться вся практическая дѣятельность людей: ихъ отношеніе къ дѣйствительности, ихъ перспективы, ихъ общественные идеалы. Но одно дѣло констатировать фактъ, другое дѣло—санкціонировать его.

Человѣкъ не ушелъ изъ подъ власти законовъ природы. Онъ обязанъ считаться съ ними, но не пассивно, а активно. Въ обществѣ царятъ борьба и конкурренція. Подборъ ведетъ свое предательское дѣло среди людей съ такою же неумолимой послѣдовательностью и безконтрольною жестокостью, какъ и среди животныхъ. Высшія формы индивидуальности самимъ процессомъ своего развитія налегаютъ на индивидуальности низшаго порядка, а въ томъ числѣ и на человѣка, поглощая и порабощая ихъ. Все это факты, прискорбные, обидные, но въ то же время безспорные факты. Какъ же отнестись къ нимъ? Тутъ возможны два діаметрально противоположныхъ отвѣта. Одинъ изъ нихъ съ циничною развязностью гласитъ: *Приспособляйся*! Сложи смиренно «на груди свои безсильныя руки», въ надеждѣ, что прихотливая волна стихійнаго процесса смилуется надъ твоею изуродованною, порядкомъ-таки помятою индивидуальностью и подниметъ ее вновь на должную высоту. Другой же повелительно диктуетъ: *Приспособляйся*! объяви войну—смѣлую, непримиримую—и конкурренціи и подбору, и деспотической тенденціи всѣхъ индивидуальностей «высшаго порядка», какими бы «пышными именами они себя ни называли», вырви у нихъ изъ подъ ногъ почву и водвори на землѣ не фиктивное, а подлинное «равенство и братство». Иначе оправдается злостная насмѣшка Мефистофеля, нагло издѣвающагося надъ «хваленой искрою святого разумѣнья», которую человѣкъ якобы радъ на то лишь употребить, «чтобъ изъ семьи скотовъ скотиной первой быть».

Ein wenig besser würd'er leben,
Hätt'st du ihm nicht des Himmelslichts gegeben;
Er nennt's Vernunft und braucht's allein,
Nur thierischer als jedes Thier zu sein *).

*) Когда бы ты его не вздумалъ одарить
Хваленой «искрою святого разумѣнья»,
Которую онъ радъ на то употребить,
Чтобъ изъ семьи скотовъ скотиной первой быть,
Онъ лучше бъ жилъ стократъ, безъ всякаго сомнѣнья.
Гете. «Фаустъ». Прологъ въ небѣ. Пер. Н. Холодковскаго.

Но Мефистофель лжетъ, конечно—лжетъ не потому, что на свѣтѣ нѣтъ людей, претендующихъ на коронныя роли въ семьѣ скотовъ, а потому, что «искра святого разумѣнья», т.-е. разумъ, воля и совѣсть человѣка неудержимо гонятъ его все впередъ и впередъ на борьбу съ природой, ея неумолимыми законами, со всею совокупностью такъ называемыхъ условій существованія. Творческая работа сознанія началась еще до человѣка. Уже на сравнительно низкихъ ступеняхъ зоологической лѣстницы, гдѣ можно говорить лишь о проблескахъ и зачаткахъ сознанія, оно проявило свое вліяніе въ болѣе или менѣе узкихъ предѣлахъ. Среди высшихъ животныхъ и первобытныхъ человѣческихъ племенъ роль сознанія, какъ фактора, воздѣйствующаго на среду въ цѣляхъ приспособленія ея къ временнымъ нуждамъ и интересамъ индивида, обнаружилась еще сильнѣе. Наконецъ, въ культурномъ человѣчествѣ оно поднялось на такую высоту, при которой стала возможною цѣлесообразная дѣятельность людей наперекоръ измѣнчивымъ, прихотливымъ и часто позорнымъ для человѣка требованіямъ среды. Вотъ тутъ-то и сказался во всей своей силѣ роковой вопросъ: какъ быть—приспособляться или приспособлять? Практическая мудрость, въ достаточной степени освѣдомленная насчетъ того, что приспособляться несравненно легче и безопаснѣе, твердитъ на тысячу ладовъ, призывая себѣ на помощь хитроумное, но лживое свидѣтельство буржуазной науки: «Блаженны вы, если вы сильны, если вы приспособлены, если вы подобраны, если вы избраны. И законна и правомѣрна ваша гибель, если вы окажетесь лишней спицей въ колесѣ практической колесницы. Проваливайтесь въ пропасть прогресса, поглотившую тысячи подобныхъ вамъ. Не надгробнымъ рыданіемъ проводимъ мы васъ, не вѣчною памятью, а ядовитымъ хохотомъ и кликами торжества. Свершилась, скажемъ, «законная кара за неприспособленность» *). Но носитель искры «святого разумѣнья», надъ которымъ такъ легкомысленно подтруниваетъ Мефистофель, не мирится съ такого рода перспективами и чертитъ на знамени человѣчества свою собственную заповѣдь блаженства. «Блаженны вы, гласитъ она, если вы не промѣняли рубль на ярко вычищенный мѣдный грошъ, если не продали

*) «Теорія Дарвина и общественная наука». Соч., I, 292.

будущаго ради интересовъ минуты и вершка; блаженны вы даже, если поносятъ васъ, и изженутъ, и рекутъ всякъ золъ глаголъ, на вы лжуще».

Какое же изъ этихъ «блаженствъ» вы предпочитаете, читатель? Избравши первое, вы боретесь только за существованіе, приспособляетесь ко всѣмъ изгибамъ данной общественной среды, суживаете до minimum'а формулу своей жизни. Отдавши же предпочтеніе второму, вы боретесь за индивидуальность, сами приспособляете среду къ воодушевляющему васъ идеалу, расширяете, насколько возможно, формулу своей жизни... Итакъ, какое же изъ двухъ?..

Мнѣ пришло на память стихотвореніе П. Я.: «Человѣкъ». Вы помните его? Столкнувшись съ человѣкомъ, природа вознегодовала. Она, величавая, суровая, всемогущая, не вынесла его непомѣрной гордости и, преисполненная гнѣва, разразилась цѣлымъ потокомъ угрозъ:

«Глупецъ! — гремитъ она,
Повѣрь: мнѣ дѣла нѣтъ ни до твоихъ стремленій,
Ни до твоихъ скорбей. Я знаю лишь числа
Безжалостный законъ; ни мукъ, ни наслажденій,
Ни блага для меня нѣтъ на землѣ, ни зла!
Живи-жъ, какъ все живетъ: минутною волною
Плесни—и пропади въ пучинахъ вѣковыхъ,
И не дерзай вставать на буйный споръ со мною,
Предвѣчной матерью всѣхъ мертвыхъ и живыхъ!..»

Но не смутился человѣкъ... Высоко поднявши чело, не выпуская изъ судорожно сжатыхъ рукъ своихъ «хоругви мятежа», «шатаясь, падая подъ ношей крестныхъ мукъ», съ дерзкимъ девизомъ: «свобода» на устахъ, онъ все идетъ впередъ, въ «обѣтованный край своихъ лазурныхъ сновъ» и смѣло, увѣренно, гнѣвно отвѣчаетъ:

Казни меня, бичуй,—пощады не прошу я,
Но знай: и ты во мнѣ пощады не найдешь.
На грозный бой тебя, на смертный бой зову я—
Цѣпями ты мой трупъ холодный окуешь!
Мертва ты и слѣпа въ красѣ твоей суровой,

А я согрѣтъ огнемъ безсмертнаго ума.
Изъ книги бытія, законодатель новый,
Я вычеркну порокъ, скажу: погибни тьма!
Скажу: зажгись разсвѣтъ! Взойди эдемъ въ пустынѣ,
Гдѣ потъ я засѣвалъ кроваваго труда!
И будешь ты сама служить моей святынѣ,
Иль я съ лица земли исчезну навсегда!..

Красиво, сильно сказано... Но это только лирика. Это — цѣлое міровоззрѣніе, глубоко прочувствованное и до конца продуманное, это—общественный лозунгъ, основанный на ясномъ пониманіи прошлаго человѣчества и ожидающихъ его перспективъ, это художественное воплощеніе тѣхъ идей, за которыя всю жизнь свою боролся Михайловскій. Развѣ не тѣ же самыя мысли и чувства одушевляли Михайловскаго, когда онъ писалъ, напримѣръ, слѣдующее: «Человѣкъ можетъ сказать—да, природа ко мнѣ безжалостна, она не знаетъ различія, въ смыслѣ права, между мною и воробьемъ; но я и самъ буду къ ней безжалостенъ и своимъ кровавымъ трудомъ покорю ее, заставлю ее служить мнѣ, вычеркну зло и создамъ добро. Я не цѣль природы, природа не имѣетъ и другихъ цѣлей. Но у меня есть цѣли, и я ихъ достигну» *). Когда же спрашивали его, въ чемъ эти цѣли, за что приличествуетъ человѣку бороться, какую формулу прогресса людямъ необходимо осуществлять, онъ отвѣчалъ: «Прогрессъ есть постепенное приближеніе къ цѣлостности недѣлимыхъ, къ возможно полному и всестороннему раздѣленію труда между органами, и возможно меньшему раздѣленію труда между людьми. Безнравственно, несправедливо, вредно, неразумно все, что задерживаетъ это движеніе. Нравственно, справедливо, разумно и полезно все, что уменьшаетъ разнородность общества, усиливая тѣмъ самымъ разнородность его отдѣльныхъ членовъ»**).

Сколько разъ цитировались эти незатѣйливыя по формѣ, но богатыя содержаніемъ строки съ цѣлью дискредитировать ихъ въ глазахъ легковѣрныхъ людей! Сколько разъ извращали ихъ ясный до очевидности смыслъ! Но подкопаться подъ «формулу прогресса» Михайловскаго не легко. Теоретически она является естественнымъ выводомъ изъ объективныхъ данныхъ науки о жизни

*) «Теорія Дарвина и общественная наука». Соч., I, 215.
*) «Что такое прогрессъ?» Соч., I, 150.

и науки объ обществѣ. Практически это—«хоругвь мятежа», зовущая къ борьбѣ и опредѣленно указывающая на тѣ формы общественной организаціи, которыя должны быть съ корнемъ уничтожены во имя попранныхъ правъ человѣка. Нужно послѣдовательно и безстрашно проводить формулу Михайловскаго въ жизнь, и тогда дѣйственная, творческая роль ея скажется во всемъ своемъ блескѣ...

IV.

«Великъ и величественъ храмъ науки, но въ немъ слишкомъ много самостоятельныхъ придѣловъ, въ каждомъ изъ которыхъ происходитъ свое особое, спеціальное священнодѣйствіе, безъ вниманія къ тому, что дѣлается въ другомъ»...

Н. К. Михайловскій.

Между всѣми работами Михайловскаго существуетъ органическая, я сказалъ бы, интимная связь: онѣ залиты свѣтомъ однихъ и тѣхъ же принциповъ, согрѣты огнемъ однихъ и тѣхъ же чувствъ, проникнуты жаждой однихъ и тѣхъ же идеаловъ. Какіе это принципы, чувства и идеалы, мы уже знаемъ: они достаточно ярко обрисованы въ статьяхъ: «Что такое прогрессъ?», «Теорія Дарвина и общественная наука», «Борьба за индивидуальность».

Обратимся же теперь къ другимъ его крупнымъ соціологическимъ работамъ и прежде всего къ ряду статей на тему *о герояхъ и толпѣ*. Предметомъ этихъ статей, какъ извѣстно, служитъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ общественной психологіи, а именно, вопросъ о причинахъ массовыхъ движеній, о той роли, которую въ нихъ играетъ личность выдающагося въ какомъ-нибудь смыслѣ человѣка, о законахъ, управляющихъ отношеніями между «героемъ» и «толпой». Интересная и сама по себѣ, тема эта въ интерпретаціи Михайловскаго пріобрѣла двойной интересъ, благодаря широкой постановкѣ и оригинальному освѣщенію ея. Можно безъ преувеличенія сказать, что никто ни до, ни послѣ Михайловскаго не подвергалъ ее такому глубокому ана-

ливу, и въ то же время никто не давалъ на этотъ вопросъ болѣе удовлетворительнаго отвѣта.

Обратите вниманіе на слова, поставленныя эпиграфомъ къ этой главѣ. Михайловскому не разъ приходилось указывать на обособленность различныхъ «придѣловъ» въ величественномъ храмѣ науки, какъ на обстоятельство, мѣшающее всестороннему изученію біологическихъ явленій вообще и соціальныхъ отношеній въ частности. Его личныя попытки разбить перегородки между отдѣльными отраслями знанія по большей части встрѣчали дружный отпоръ со стороны священнослужителей спеціальныхъ «придѣловъ» и вызывали нареканія въ томъ, что онъ, молъ, эклектикъ, энциклопедистъ-диллетантъ, перепутавшій всѣ «вѣдомства» науки и нахватавшій доказательства для своихъ «сомнительныхъ» положеній изъ самыхъ разнообразныхъ областей ея, а вовсе не «соціологъ», который обязанъ отмѣрить себѣ опредѣленное количество квадратныхъ вершковъ на общей нивѣ знанія и пользоваться при обработкѣ ихъ «спеціальными» орудіями мысли. Спеціалисты настолько свыклись съ душною атмосферой отмежеванныхъ имъ судьбою «придѣловъ», что потеряли способность понимать подлинныя задачи «великаго и величественнаго храма науки» въ его цѣломъ. Михайловскій находилъ, что невниманіе священнодѣйствующихъ въ одномъ изъ научныхъ «придѣловъ» къ тому, что дѣлается въ другихъ, можетъ въ лучшемъ случаѣ привести къ открытію частныхъ истинъ, имѣющихъ очень узкое спеціальное значеніе; обыкновенно же оно приводитъ къ выводамъ одностороннимъ, а потому и ложнымъ. Будучи сторонникомъ контовской классификаціи наукъ, Михайловскій не покушался на самостоятельность каждой изъ нихъ, поскольку такая самостоятельность обусловливается своеобразнымъ характеромъ того «спеціальнаго остатка», который является исключительнымъ достояніемъ той или иной науки. Но отсюда еще далеко до признанія полнѣйшей отчужденности различныхъ отраслей знанія...

Возьмемъ статью «Герои и толпа». Съ точки зрѣнія цеховыхъ представленій о задачахъ и границахъ соціологіи, она является чѣмъ-то, по меньшей мѣрѣ, уродливымъ. Это какой-то калейдоскопъ фактовъ и обобщеній, почерпнутыхъ изъ самыхъ отдаленныхъ «придѣловъ» великаго храма науки. Чего только

здѣсь нѣтъ! Точныя историческія данныя перемежаются съ фактами изъ біологіи, живой этнографическій матеріалъ переплетается съ курьезами изъ области гипнотизма, оригинальные эпизоды изъ практики криминалистовъ или психіатровъ чередуются съ художественными картинами, выхваченными изъ произведеній великихъ мастеровъ слова. Тамъ, смотришь, яркая характеристика средневѣковой цеховой организаціи, здѣсь—блестящій отрывокъ изъ «Войны и мира»; сейчасъ шла рѣчь о лѣтописяхъ самоубійства, и вдругъ, словно по прихоти какого-то чародѣя, развернулись страницы о подражательной окраскѣ у животныхъ; то вы попадаете неожиданно въ солдатскую казарму, гдѣ совершается методическая переработка человѣка въ пушечное мясо, то переноситесь въ Якутскую область, населеніе которой страдаетъ временами массовымъ психическимъ недугомъ, извѣстнымъ подъ названіемъ «омеряченія». А тамъ опять поэтическая сценка, напримѣръ, изъ шекспировскаго «Ричарда третьяго», или экскурсія въ таинственную область «патологической магіи»... Королева Бланка Кастильская и бабочка-геликонида, стигматичка Луиза Латто и полярный заяцъ, проповѣдникъ Витвальдъ, наполеоновскіе солдаты, передовой баранъ, исторія, психіатрія, біологія, житейско-обиходная практика, гипнотизмъ, психологія, Адамъ Смитъ и св. Францискъ, Уоллесъ и Шопенгауеръ... да развѣ это не вавилонское столпотвореніе! восклицаетъ возмущенный читатель. Разумѣется, «всѣ вѣдомства перепуталъ!» Разумѣется, кощунственно насмѣялся надъ элементарными правами отдѣльныхъ «придѣловъ» науки священнодѣйствовать за свой собственный страхъ, молиться своему кумиру! Предвидя и этотъ упрекъ, и это возмущеніе, Михайловскій писалъ: «Надѣюсь, что, когда мы дойдемъ до конца, читатель оправдаетъ эту фактическую пестроту *ибо именно въ этомъ пестромъ мы найдемъ цѣльное; въ этомъ многомъ—единое.* И только такимъ образомъ удастся намъ разгадать великую загадку, выражающуюся словами: герои и толпа» *). (Курсивъ мой). «Если бы,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—для уясненія занимающихъ насъ психическихъ процессовъ и тѣхъ общественныхъ или иныхъ условій, которыя обставляютъ эти процессы, если бы для этого оказались въ какомъ-нибудь

*) «Герои и толпа», II, 127—128.

смыслѣ пригодными отношенія между передовымъ бараномъ и бросающимся за нимъ бараньимъ стадомъ, то и ихъ изслѣдователь не можетъ исключить изъ своей работы»**). Само собою разумѣется, что при такой широко захватывающей и глубоко проникающей постановкѣ дѣла должны разлетѣться въ стороны всѣ искусственныя перегородки, которыя понастроилъ въ роскошномъ храмѣ науки умъ узкаго, сухого, педантичнаго спеціалиста; само собою разумѣется, что при такомъ представленіи объ интимной связи между различными отраслями знанія, должна исчезнуть та отчужденность между отдѣльными «придѣлами величественнаго храма науки», благодаря которой оказываются возможными священнодѣйствія въ одномъ изъ нихъ, независимо отъ того, что творится во всѣхъ остальныхъ.

Но обратимся къ вопросу о герояхъ и толпѣ. Кто-жъ это герои? И что такое толпа?

«*Героемъ*,—пишетъ Михайловскій,—мы будемъ называть человѣка, увлекающаго своимъ примѣромъ массу на хорошее или дурное, благороднѣйшее или подлѣйшее, разумное или безсмысленное дѣло. *Толпой* будемъ называть массу, способную увлекаться примѣромъ, опять-таки высоко-благороднымъ или низкимъ, или нравственно-безразличнымъ. Не въ похвалу, значитъ, и не въ поруганіе выбраны термины «герои» и «толпа»...

«Нашъ герой просто первый «ломаетъ ледъ», какъ говорятъ французы, дѣлаетъ тотъ рѣшительный шагъ, котораго трепетно ждетъ толпа, чтобы со стремительною силою броситься въ ту или другую сторону. И не самъ по себѣ для насъ герой важенъ, а лишь ради вызываемаго имъ массового движенія. Самъ по себѣ онъ можетъ быть, какъ уже сказано, и полоумнымъ, и негодяемъ, и глупцомъ, ни мало не интереснымъ» *).

Отсюда слѣдуетъ, что въ основѣ отношеній между героями и толпой лежатъ два важныхъ психологическихъ момента: способность героя *увлекать* и способность толпы стремительно слѣдовать за нимъ, заражаться его примѣромъ, *подражать* его дѣйствіямъ. Вотъ эта-то тенденція подражать—*невольно, безсозна-*

**) Ibid., стр. 100.

тельно—и составляетъ, по мнѣнію Михайловскаго, главный стимулъ въ отношеніяхъ между героемъ и толпой. Но невольная, безсознательная склонность къ подражанію не является исключительнымъ достояніемъ одной лишь «толпы»: *она широко разлита во всей живой природѣ* и можетъ быть подмѣчена въ явленіяхъ, не имѣющихъ, повидимому, ничего общаго съ психологіей толпы. Мысль эта составляетъ центральный пунктъ всѣхъ разсужденій Михайловскаго на тему о взаимоотношеніяхъ между героемъ и толпой. И, чтобы доказать ее, онъ покидаетъ на время спеціальную область фактовъ изъ исторіи человѣчества и совершаетъ рядъ экскурсій то въ біологію, то въ психологію, то въ психіатрію.

Кому не знакомы поразительныя явленія покровительственной окраски и мимикріи у животныхъ? Бѣлая куропатка, мѣняющая по сезону свой костюмъ; богомолъ, похожій то на сучекъ дерева, то на зеленый листъ, то на цвѣточный бутонъ; бабочка-каллима, уподобившаяся высохшему листу, паукъ, имитирующій муравью; жукъ, принаряженный шмелемъ; гусеница, схожая со змѣйкой; хамелеонъ или осминогъ, мѣняющіе окраску своихъ наружныхъ покрововъ, согласно цвѣту окружающей ихъ обстановки, и т. д., и т. д.—все это факты общеизвѣстные, безспорные. Присоедините сюда рядъ аналогичныхъ же явленій изъ царства растеній, явленій, нынѣ не подлежащихъ никакому сомнѣнію,—и у васъ будетъ на лицо богатый матеріалъ, свидѣтельствующій о существованіи «подражательныхъ» формъ и красокъ въ живой природѣ. Не разъ дѣлались попытки воспользоваться ученіемъ Дарвина съ цѣлью объяснить происхожденіе такого рода формъ и красокъ. Но попытки эти врядъ ли могутъ быть признаны удачными. Дѣло въ томъ, что естественный подборъ подхваливаетъ, закрѣпляетъ и совершенствуетъ въ живомъ существѣ только такія особенности, которыя даютъ послѣднему нѣкоторое преимущество въ борьбѣ за существованіе. Слѣдовательно, измѣненія, надъ которыми оперируетъ подборъ, должны быть *уже въ началѣ дѣйствія его* настолько ярко выражены, чтобы подбору было къ чему приложить свою руку. Покровительственные цвѣта и формы служатъ, безспорно, великолѣпнымъ орудіемъ въ борьбѣ за существованіе—съ этимъ никто не станетъ спорить. Но вѣдь, очевидно, что благотворная роль ихъ

могла сказаться только тогда, *когда они уже были*, такъ сказать, *вполнѣ закончены*, когда сходство, положимъ, бабочки-калдимы съ сухимъ листомъ или бѣлой куропатки съ окружающей ее зимнею обстановкой сказалось настолько опредѣленно, что это давало имъ возможность скрываться отъ враговъ или оставаться незамѣченными для добычи. Если же это такъ—а иного толкованія тутъ не можетъ быть,—то надо признать, что естественный подборъ одинъ, безъ участія иныхъ факторовъ органической эволюціи, не въ силахъ былъ *создать* тѣ замѣчательныя формы приспособленій, которыя извѣстны подъ общимъ именемъ покровительственной окраски и мимикріи; надо признать, что роль его въ данномъ случаѣ была очень и очень незначительна. Какъ же въ такомъ случаѣ быть? Какъ объяснить возникновеніе покровительственныхъ формъ и красокъ? Вопросъ этотъ не разъ уже ставился въ наукѣ, ставился онъ и раньше, лѣтъ 25 — 30 тому назадъ, ставится и теперь. Недостаточность дарвинистическихъ толкованій въ примѣненіи къ этой категоріи фактовъ отмѣчалась и подчеркивалась много разъ. Отмѣтилъ ее и Михайловскій. однако сами же дарвинисты — Грантъ - Алленъ, Пуше, Пультонъ, Копъ и др.—указали на выходъ изъ затруднительнаго положенія. Они высказали весьма вѣроятное предположеніе, построенное на цѣломъ рядѣ остроумныхъ экспериментовъ. Сводится оно въ сущности къ слѣдующему: во-первыхъ, различные цвѣтовые лучи, а отчасти тепло и пища, *непосредственно* вліяютъ на окраску наружныхъ покрововъ животнаго, часто измѣняя ее соотвѣтственно цвѣту окружающей обстановки; во-вторыхъ, *постоянное и продолжительное созерцаніе предметовъ, имѣющихъ такую или иную форму и окрашенныхъ въ тотъ или иной цвѣтъ, вызываетъ въ организмѣ рядъ рефлекторныхъ движеній, направленныхъ къ воспроизведенію внѣшнихъ особенностей этихъ предметовъ*. Тутъ ужъ, какъ видите, вопросъ сводится къ признанію нѣкотораго *внутренняго, безсознательнаго фактора*, который можетъ дѣйствовать и наряду съ обычными факторами органическаго процесса, и независимо отъ него.

Михайловскій обратилъ особенное вниманіе на это объясненіе и формулировалъ свой взглядъ на факты покровительственной окраски и мимикріи слѣдующимъ образомъ: «Зрительное

впечатлѣніе предмета или предметовъ, почему-либо обращающихъ на себя особенное вниманіе животнаго, вызываетъ такую группу рефлексовъ, которая въ большей или меньшей степени уподобляетъ животное созерцаемому предмету. Это нисколько, разумѣется, не мѣшаетъ дѣятельности приспособленія и наслѣдственности, какъ факторовъ вторичныхъ, выступающихъ уже послѣ того, какъ подражательная форма готова» *).

Итакъ, въ явленіяхъ покровительственной окраски и мимикріи мы имѣемъ дѣло съ фактомъ *безсознательнаго, мимовольнаго подражанія*. Какое же, однако, отношеніе имѣетъ этотъ фактъ къ вопросу о герояхъ и толпѣ?

Въ отвѣтъ на этотъ скептическій вопросъ Михайловскій предлагаетъ вниманію читателя новую вереницу фактовъ, калейдоскопически пеструю и почерпнутую изъ обыденной жизни, изъ физіологіи, психологіи и психіатріи. Приводить ихъ я не стану. Достаточно сказать, что всѣ они свидѣтельствуютъ о присущей человѣку склонности *къ безсознательному и невольному подражанію*. Особенно ярко эта склонность сказывается, во-первыхъ, при различнаго рода психическихъ разстройствахъ, когда сильно развитое и односторонне направленное воображеніе вызываетъ въ больномъ рядъ чисто физіологическихъ измѣненій, носящихъ *несомнѣнно подражательный характеръ* (напр., явленія стигматизаціи у Луизы Латто), а во-вторыхъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда она принимаетъ характеръ психической заразы, распространяющейся на болѣе или менѣе значительныя группы лицъ. Несомнѣнно, что такого рода факты служатъ живымъ связующимъ звеномъ между явленіемъ мимикріи и покровительственной окраски, съ одной стороны, и психологіей массовыхъ движеній — съ другой. И совершенно такъ же отъ фактовъ, аналогичныхъ со стигматизаціей, нетрудно перейти сперва къ проявленіямъ подражательности въ случаѣ психическихъ эпидемій, а затѣмъ и къ массовымъ движеніямъ, при которыхъ увлеченіе примѣромъ «героя» и безсознательное стремленіе подражать его дѣйствіямъ составляетъ часто основную ноту психологіи «толпы». Указывая на законную связь всѣхъ только что перечисленныхъ явленій, Михайловскій говоритъ: «Какъ ни разнообразны вышепри-

*) Ibid. 137.

веденные факты, набранные изъ житейскаго опыта, и изъ разныхъ областей научнаго знанія, но каждая группа ихъ имѣетъ всетаки одинъ и тотъ же центръ— *безсознательное и мимовольное подражаніе.* И если читатель, какъ я надѣюсь, убѣдился въ чрезвычайной силѣ и распространенности этого психическаго двигателя, то намъ остается только разрѣшить вопросъ объ условіяхъ, *при которыхъ склонность къ подражанію присутствуетъ и отсутствуетъ, проявляется и исчезаетъ, выражается съ большею или меньшею силою; при какихъ, слѣдовательно, условіяхъ складывается то, что мы условились называть «толпой»*—податливая масса, готовая итти за «героемъ» куда бы то ни было и томительно и напряженно переминающаяся съ ноги на ногу въ ожиданіи его появленія» (Курсивъ мой) *).

Однако, прежде чѣмъ говорить объ условіяхъ, при которыхъ создается «податливая масса, готовая итти за героемъ куда бы то ни было», необходимо сдѣлать нѣсколько очень существенныхъ оговорокъ: иначе мысль Михайловскаго можетъ быть понята совершенно ложно.

Подражанію, какъ соціальному фактору, и въ особенности тѣмъ формамъ его, которыя обусловлены гипнозомъ, Михайловскій придавалъ громадное значеніе. Мало этого. Онъ пытался доказать, и далеко не безуспѣшно, что тѣ формы подражанія, которыя проявляются въ межчеловѣческихъ отношеніяхъ, должны разсматриваться какъ частный, спеціальный случай иной, широко распространенной въ живой природѣ, формы подражанія, которую біологи окрестили именемъ покровительственной окраски и мимикріи. Стало быть, и въ данномъ случаѣ Михайловскій остался вѣренъ избранному методу изученія общественныхъ явленій. относясь отрицательно къ тенденціи нѣкоторыхъ ученыхъ утопить соціологію цѣликомъ въ біологіи, возставая противъ незаконныхъ посягательствъ послѣдней на первую, онъ тѣмъ не менѣе и тутъ не отказался отъ мысли воспользоваться данными *науки о жизни* въ интересахъ возможно полнаго анализа явленій, изучаемыхъ *наукою объ обществѣ*. Если склонность къ подражанію есть дѣйствительно фактъ прежде всего біологическій, а потомъ уже общественно-психологическій, то, несомнѣн-

*) Ibid. 146.

но, что понять мотивы и механизмъ дѣйствія этой склонности въ общественныхъ отношеніяхъ можно только при томъ условіи, когда будутъ правильно оцѣнены мотивы и механизмъ ея дѣйствія въ случаяхъ болѣе элементарныхъ и простыхъ, т.-е. въ явленіяхъ біологическихъ. Когда же это будетъ сдѣлано, то соціологу останется показать, какимъ образомъ условія, связанныя съ различными формами коопераціи, отражаются на тенденціи «подражать», направляя ее въ ту или иную сторону, измѣняя характеръ и силу ея, то совершенно парализуя, то вновь возсоздавая ее. Само собою разумѣется, что такія условія имѣютъ мѣсто не только въ человѣческихъ отношеніяхъ; если не всѣ, то нѣкоторыя, пожалуй, наиболѣе существенныя изъ нихъ, наблюдаются и въ низшихъ формахъ коопераціи, напримѣръ, у животныхъ. Слѣдовательно, и тутъ біологическія данныя могутъ оказать очень цѣнную услугу при рѣшеніи вопросовъ соціальной жизни у людей. Это собственно и имѣлъ въ виду Михайловскій, когда говорилъ о значеніи отношеній между «передовымъ бараномъ и бараньимъ стадомъ» въ дѣлѣ правильнаго освѣщенія массовыхъ движеній и психологіи толпы.

Поставить вопросъ широко и освѣтить его возможно разностороннѣе, это черта, вообще характерная для всего умственнаго склада Михайловскаго. Проявилась она очень ярко и въ отношеніи его къ вопросу о герояхъ и толпѣ. Но она же и удержала его отъ такихъ одностороннихъ и въ тоже время категорическихъ приговоровъ, которые дѣлаетъ, напримѣръ, Тардъ въ своихъ соціологическихъ построеніяхъ. Михайловскій отводилъ подражанію очень важное мѣсто *въ ряду* факторовъ общественной жизни; Тардъ же придалъ ему чуть ли не универсальное значеніе. Это—разница громадная, и забывать о ней не слѣдуетъ. Не говоря уже о томъ, что само подражаніе можетъ быть не только безсознательнымъ и непроизвольнымъ, но и вполнѣ сознательнымъ, совершающимся при большой затратѣ волевой энергіи, обдуманно и съ разсчетомъ направленной къ повторенію тѣхъ или иныхъ дѣйствій,—не говоря уже объ этомъ, общественныя отношенія вообще и отношенія между толпою и героемъ въ частности опредѣляются, помимо подражанія, и другими факторами, къ числу которыхъ нужно прежде всего отнести *сознательное творчество*, обусловливаемое

всею гаммою присущихъ людямъ интересовъ, чувствъ, мыслей и настроеній.

«Общество, — говоритъ Тардъ, — это—подражаніе, а подражаніе—родъ гипнотизма»

Соціальное состояніе, какъ и состояніе гипнотическое, есть не что иное, какъ сонъ, сонъ по приказу и сонъ въ дѣятельномъ состояніи».

«Не имѣть никакихъ идей, кромѣ внушенныхъ, и считать ихъ самопроизвольнымъ—такова иллюзія, свойственная какъ сомнамбулу, такъ равно и соціальному человѣку».

Эти бравурные афоризмы, возведенные на степень крылатыхъ словъ загипнотизированными поклонниками Тарда, лишены на самомъ дѣлѣ всякаго научнаго содержанія, и именно потому, что въ нихъ слишкомъ много необузданнаго «полета мысли», не считающейся съ фактами живой дѣйствительности и безконтрольно парящей въ мірѣ натяжекъ и призраковъ. Конечно, если отрицать самый фактъ существованія сознанія и воли у человѣка, если всю сферу его дѣйствій—дѣйствій обдуманныхъ, просвѣтленныхъ разумомъ, согрѣтыхъ чувствомъ ясно сознаваемаго долга, направленныхъ къ осуществленію опредѣленныхъ цѣлей—считать продуктомъ какого-то «навожденія», тогда и въ самомъ дѣлѣ надо признать, что соціальное состояніе, это—сонъ, и человѣкъ въ обществѣ—никогда не просыпающійся лунатикъ. Но дѣло-то въ томъ, что для признанія такой печальной «соціологической истины» нѣтъ никакихъ основаній.

«Исторія человѣчества,—говоритъ Михайловскій,—переполнена такими явленіями, которыя представляютъ собою не аналогію какую-нибудь съ автоматизмомъ гипнотика, а самый этотъ автоматизмъ въ болѣе или менѣе сильной, въ болѣе или менѣе слабой степени. Но она, эта исторія человѣчества, не есть, конечно, сплошной рядъ гипнотическихъ сновъ безчисленныхъ, смѣняющихъ другъ друга, поколѣній. Если бы это было такъ, мы не могли бы имѣть никакого понятія о бодрственномъ, не гипнотическомъ состояніи, а, слѣдовательно, и о самомъ гипнотизмѣ, какъ особой группѣ явленій, имѣющихъ свои отличительные признаки, свои опредѣленныя причины и слѣдствія. Казалось бы, это такъ ясно само собой, что даже говорить объ этомъ смѣшно или нелѣпо... Гипнотикъ автоматически, безъ борьбы, безъ думы, повинуется приказанію и подражаетъ примѣру. И я, очевидно, не гипнотикъ, если повинусь приказанію не безотчетно, а, напримѣръ, изъ страха наказанія, или если слушаюсь предписанія врача по довѣрію къ его познаніямъ, если подражаю примѣру по мотивамъ тщеславія или по убѣжденію въ выгодѣ, пользѣ, нравственной обязательности такого поведенія. Всѣ эти мотивы, каковы бы они ни были по своей нравственной цѣнности, представляютъ собою работу бодрствующаго сознанія. Они осложняютъ со-

бою даже тѣ явленія, которыя Тардъ до извѣстной степени справедливо отдаетъ въ вѣдѣніе законовъ внѣлогическихъ вліяній» *).

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, избавляющихъ насъ отъ необходимости указывать дальше на различіе между взглядами Михайловскаго и другихъ авторовъ, писавшихъ по вопросу о подражаніи, мы можемъ перейти къ той спеціальной темѣ, которой посвящены статьи «Герои и толпа», «Научныя письма», «Патологическая магія», «Еще о герояхъ» и «Еще о толпѣ».

VII.

«Патологическая магія»—такъ называется одна изъ интереснѣйшихъ статей Михайловскаго. Не смотря на крайнюю пестроту фактическаго матеріала, статья эта является произведеніемъ вполнѣ законченнымъ и по формѣ, и по мысли. Она безспорно представляетъ самостоятельный интересъ, какъ великолѣпно выполненная попытка объединить въ стройное цѣлое разнообразнѣйшіе факты изъ области психо-физіологіи и психо-патологіи. Но главное значеніе ея, на мой взглядъ, всетаки не въ этомъ: «патологическая магія» бросаетъ яркій свѣтъ на психологію отношеній между «героями и толпой» — она обнаруживаетъ подлинный характеръ этихъ отношеній, указываетъ на основной стимулъ ихъ, объясняетъ часто загадочное поведеніе толпы, вскрываетъ секретъ вліянія героевъ на массу. Вотъ почему, не зная статьи «Патологическая магія», трудно судить не только объ отношеніи Михайловскаго къ спеціальному вопросу о герояхъ и толпѣ, но и о нѣкоторыхъ сторонахъ его соціологическаго міровоззрѣнія.

Что же въ ней особеннаго? И какъ связать обобщенія, основанныя на данныхъ «патологической магіи», съ психологіей взаимоотношеній героевъ и толпы?

Сѣдая старина обилуетъ разсказами о всяческаго рода чародѣяхъ, надѣленныхъ даромъ вступать въ общеніе съ міромъ «безтѣлесныхъ духовъ», прорицать будущее, творить чудеса. Не все въ этихъ разсказахъ одна сплошная выдумка, не все въ дѣяніяхъ чудодѣевъ — одно лишь надувательство, поддерживаемое

*) «Еще о толпѣ», II, 418, 419.

суевѣріемъ темной, невѣжественной массы: есть тутъ и правда, которая находитъ себѣ объясненіе въ толкованіяхъ современной науки. Она, эта самая наука нашихъ дней, находитъ много общаго между «чудесами», которыми щеголяли жрецы, кудесники и волхвы древней Индіи, Египта, Китая, Персіи и Греціи, и тѣми явленіями, которыя еще не такъ давно заносились за общую скобку *мантевизма* и *месмеризма*, а сейчасъ извѣстны подъ именемъ *гипнотизма*. Мало этого: современная наука утверждаетъ, что къ той же области гипнотическихъ явленій относятся и всевозможныя продѣлки теперешнихъ дервишей, факировъ и іогиновъ, всѣ дѣйствительные случаи «ясновидѣнія» и стигматизаціи, всѣ поразительные на первый взглядъ факты психическихъ эпидемій и такъ называемой нравственной заразы. Наконецъ, сюда же надо причислить и различные опыты и наблюденія надъ *внушеніемъ и самовнушеніемъ* у животныхъ. Все это, вмѣстѣ взятое, и составляетъ таинственную область «патологической магіи»; говорю «таинственную» потому, что она взвинчиваетъ фантазію, разстраиваетъ воображеніе, парализуетъ нормальную работу мысли въ головахъ, склонныхъ къ мистицизму, и порождаетъ цѣлый рядъ нелѣпыхъ толкованій, въ родѣ тѣхъ, напримѣръ, «теорій», которыми гг. спириты морочатъ и себя самихъ, и легковѣрную публику.

Предполагая, что читатель хорошо знакомъ съ тѣми фактами, которые составляютъ предметъ патологической магіи, я не стану на нихъ спеціально останавливаться. Отмѣчу лишь два—три случая, да и то только для того, чтобы напомнить читателю о характерѣ этихъ фактовъ.

«Чары» змѣи... Змѣя, разинувши пасть, устремляетъ на жертву свой пристальный, жадный взглядъ,—и жертва теряетъ способность на это время воспринимать какія бы то ни было иныя впечатлѣнія, кромѣ тѣхъ, что въ данную минуту всецѣло овладѣваютъ ея вниманіемъ. «*Въ сознаніи ея*—подчеркиваю эти строки Михайловскаго—*водворяется какъ бы пустыня, безгласная, безцвѣтная, безъобразная, среди которой ярко горитъ лишь одинъ единственный пунктъ,—этотъ странный, упорный взглядъ змѣи, грозящій какою-то опасностью*» *). Мысль намѣченной змѣею добычи помрачена, воля ея парализована, она не въ состо-

*) «Патологическая магія», II, 297.

яніи предпринять какое либо цѣлесообразное движеніе въ интересахъ самосохраненія; она, наоборотъ, сама идетъ на встрѣчу грозящей ей смерти, «очарованная» опустошившимъ ея душу взглядомъ хищницы.

Есть чары и на змѣю. Вспомните поэтическую «Пѣснь торжествующей любви» Тургенева... Впрочемъ, оставимъ поэзію. Обыденные факты подтверждаютъ это не менѣе убѣдительно. Индійскій заклинатель змѣй выводитъ на своей незатѣйливой дудкѣ простые, монотонные звуки. Подъ продолжительнымъ, упорнымъ вліяніемъ этихъ звуковъ змѣя направляется къ «чародѣю», приподнимаетъ переднюю часть своего тѣла и принимается покачиваться изъ стороны въ сторону, въ точности воспроизводя движенія заклинателя. Что ей эта заунывная, несложная музыка? Трудно сказать. Но фактъ въ томъ, что, въ концѣ концовъ, змѣя идетъ навстрѣчу звукамъ дудки; *сознаніе ея порабощено источникомъ этихъ звуковъ: они какъ будто не видитъ ничего, кромѣ дудящаго музыканта и тѣхъ однообразныхъ движеній, которыя онъ продѣлываетъ, и потому машинально воспроизводитъ эти движенія и направляется къ заклинателю.* Процедура заклинанія кончается тѣмъ, что музыкантъ беретъ змѣю и опускаетъ ее въ корзину...

Упорный взглядъ и монотонные звуки—вотъ тѣ «чары», при помощи которыхъ въ описанныхъ только что случаяхъ животное низводится на степень автомата. Но вотъ другой примѣръ.

Въ австрійской арміи практикуется особенный способъ укрощать норовистыхъ лошадей. Онъ извѣстенъ подъ именемъ балассированія. Лошадь, отличающуюся непокорнымъ нравомъ, методически и равномѣрно поглаживаютъ ладонью по лбу и по глазамъ, и она послѣ нѣсколькихъ сеансовъ становится «тише воды, ниже травы». Такого же результата можно достигнуть и путемъ продолжительнаго, неподвижнаго взгляда на лошадь.

«Пассы» гипнотизера дѣйствуютъ на человѣка такъ же, какъ «балассированіе на лошадь, звуки дудки на змѣю, пристальный взглядъ этой послѣдней на обреченное ей въ жертву животное; а «чудеса», которыя способенъ производить искусный гипнотизеръ, оставляютъ далеко за собой и «чары» змѣи, и «заклинанія» индуса. Факты на лицо.

Извѣстный англійскій врачъ Брэдъ загипнотизировалъ жен-

щину, которая бросила кормить своего ребенка, вслѣдствіе потери молока, и затѣмъ сталъ дѣлать пассы надъ ея правою грудью, съ цѣлью сосредоточить ея вниманіе на этомъ именно пунктѣ. Вскорѣ загипнотизированная приняла такую позу, какъ будто она собирается кормить ребенка, и грудь ея наполнилась молокомъ. То же самое продѣлалъ Брэдъ и надъ другою грудью своей паціентки—и что же? Она послѣ этого оказалась способною кормить ребенка еще въ теченіе цѣлыхъ девяти мѣсяцевъ!

Въ другой разъ, тотъ же Брэдъ, загипнотизировалъ одного больного, внушилъ ему, что, по прошествіи извѣстнаго времени послѣ пробужденія, у него должны будутъ на различныхъ мѣстахъ тѣла показаться красные пятна и нарывы: пятна и нарывы дѣйствительно показались, и какъ разъ на тѣхъ мѣстахъ и въ то самое время, которыя были указаны гипнотизеромъ.

Еще примѣръ, передъ нами почтенная женщина, уважаемая мать семейства, особа деликатная, скромная, набожная. И вотъ, по волѣ гипнотизера, съ ней происходитъ рядъ послѣдовательныхъ метаморфозъ: она превращается въ монахиню или кокотку, въ генеральшу или крестьянку, въ старуху или маленькую дѣвочку. Въ кого внушатъ ей преобразоваться, тѣмъ она и чувствуетъ себя, въ точности копируя манеры, жесты и типичныя черты характера возсоздаваемыхъ ею персонажей иллюзіоннаго маскарада. Она-то цинична, какъ кокотка, то смиренна, какъ монахиня, то напыщена, какъ генеральша, то скромна и наивна, какъ маленькая дѣвочка. Въ чувствуете, что это лишенный воли автоматъ съ помраченнымъ сознаніемъ, которое можетъ быть направлено въ ту или иную сторону, смотря по капризу экспериментатора...

Наконецъ, еще одинъ, послѣдній, примѣръ. Тутъ уже дѣло будетъ нѣсколько сложнѣе, хотя по существу оно ничѣмъ не разнится отъ всего того, что было приведено раньше.

Мы съ вами въ Якутской области передъ взводомъ солдатъ. Всѣ они заражены повальнымъ психозомъ, всѣ «омерячены», и болѣзнь ихъ сказывается довольно таки курьезно. Офицеръ командуетъ: «На плечо!» А въ отвѣтъ ему весь взводъ, словно многоголосное эхо, отвѣчаетъ тоже: «На плечо!» Командиръ жестикулируетъ въ недоумѣніи. Жесты его въ точности воспроизводятся солдатами. Командиръ выходитъ изъ себя, сыплетъ угрозами и бранью,—а взводъ, съ методичностью хорошо налаженнаго

фонографа, повторяетъ угрозы и многоэтажную брань. Опять, какъ видите, автоматизмъ—параличъ воли и помраченіе сознанія. Весь вопросъ только въ томъ, кто же загипнотизировалъ этихъ несчастныхъ людей или, вѣрнѣе, *что* загипнотизировало ихъ?..

Итакъ, во всѣхъ только что разсмотрѣнныхъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло *съ психо-физіологическимъ автоматизмомъ*: невольное подражаніе и безсознательное повиновеніе—вотъ важнѣйшіе психологическіе моменты его. Но вѣдь такого рода автоматизмъ и есть въ сущности то, что принято называть гипнозомъ. Слѣдовательно, вся совокупность явленій, обнимаемыхъ однимъ общимъ понятіемъ «патологическая магія», въ конечномъ подсчетѣ сводится къ гипнозу. Чѣмъ же обусловлено то состояніе, которое принято называть гипнотическимъ? Какъ, при какихъ обстоятельствахъ и искусственныхъ манипуляціяхъ вызывается оно? Каковы тѣ пружины, подъ вліяніемъ которыхъ и животное, и человѣкъ преображается въ автоматовъ, покорно исполняющихъ приказанія гипнотизера и безсознательно подражающихъ его движеніямъ?

«Та односторонняя концентрація сознанія, то съуженіе его поля, которымъ характеризуется гипнозъ,—пишетъ Михайловскій, —лучше всего достигаются или *мгновеннымъ сильнымъ впечатлѣніемъ или рядомъ однообразныхъ, слабыхъ, монотонныхъ впечатлѣній* (пассы, созерцаніе блестящей точки, прислушиваніе къ тиканью часовъ). И въ томъ, и въ другомъ случаѣ производится *оскудѣніе личной жизни*; какъ бы запираются всѣ двери и окна души и оставляется только одна форточка, изъ которой видно и слышно только гипнотизера и то, что онъ дѣлаетъ или приказываетъ дѣлать. При этомъ понижается дѣятельность сознанія и воли, и всякое впечатлѣніе или только представленіе о немъ,— а впечатлѣнія и представленія входятъ черезъ единственную форточку гипнотизера,—овладѣваетъ гипнотикомъ вполнѣ: впечатлѣнія и представленія разрѣшаются немедленно соотвѣтствующимъ мышечнымъ движеніемъ, — подражаніемъ или исполненіемъ приказанія» (Курсивъ мой) *).

Стало быть, условія, необходимыя для обнаруженія склонности къ автоматическому подражанію и къ столь же автоматическому

*) «Еще о толпѣ», II, 438.

исполненію приказанія сводятся къ слѣдующему: необходимо одно изъ двухъ: или внезапное и при томъ столь сильное впечатлѣніе, чтобы оно временно задавило, вытѣснило изъ души всѣ остальныя впечатлѣнія, или же, наоборотъ, хроническая скудость, однообразіе впечатлѣній; и то, и другое, какъ въ отдѣльности, такъ и вмѣстѣ взятое, можетъ опустошить на время сознаніе и парализовать волю животнаго или человѣка, т.-е. загипнотизировать ихъ, превратить въ автоматовъ.

Обратимся теперь къ нашимъ «омеряченнымъ» солдатамъ. Спрашиваю еще разъ: кто загипнотизировалъ ихъ, чѣмъ вызвано оскудѣніе ихъ личной жизни, гдѣ тотъ «рядъ однообразныхъ, монотонныхъ впечатлѣній», подъ вліяніемъ которыхъ они дошли до состоянія автоматовъ, повторяющихъ непроизвольно слова команды и воспроизводящихъ въ точности жестикуляцію недоумѣвающаго, разгнѣваннаго, бранящагося офицера? Отвѣчу кратко.

Во-первыхъ, спеціально солдатскія условія жизни—строгая, всенивеллирующая дисциплина, систематическое подавленіе сознательной работы мысли, монотонный режимъ каждодневнаго существованія, крайняя узость интересовъ и занятій, сведенная къ минимуму духовная дѣятельность.

Во-вторыхъ, специфическія условія Якутской области—крайняя скудость и однообразіе доставляемыхъ самой природой зрительныхъ, слуховыхъ и всякихъ иныхъ впечатлѣній.

Вотъ это-то и составляетъ тотъ «рядъ однообразныхъ впечатлѣній», который способствуетъ «оскудѣнію личной жизни» и дѣлаетъ изъ человѣка автомата.

Условія, создающія «омеряченныхъ» солдатъ, не представляютъ собою ничего исключительнаго. Напротивъ, они встрѣчаются въ жизни на каждомъ шагу, они составляютъ нѣчто характерное для того типа общественной организаціи, который держится на принципахъ строгаго общественнаго раздѣленія труда. Всѣ такъ называемыя «психическія эпидеміи» и большая часть извѣстныхъ въ исторіи человѣчества «массовыхъ движеній» объясняются дѣйствіемъ тѣхъ же причинъ, которыми обусловливается поведеніе «омеряченныхъ» солдатъ. Всякая толпа есть въ сущности сборище людей, до извѣстной степени «омеряченныхъ», какъ бы нарочно препарированныхъ всѣмъ строемъ ихъ личной и общественной жизни къ исполненію роли автоматовъ. Можно говорить о толпѣ

болѣе или менѣе податливой, воспріимчивой, склонной къ подражанію и повиновенію, и степень этой податливости въ значительной мѣрѣ опредѣляется характеромъ и дѣйствіемъ тѣхъ «пассовъ», которыми толпа подготовлялась къ гипнозу. Чѣмъ проще была та формула жизни, которая выпала на долю людей, образующихъ «толпу», чѣмъ уже былъ кругъ ихъ впечатлѣній, чѣмъ меньше струнъ звучало въ ихъ душѣ и чѣмъ интенсивнѣе, наконецъ, направлялось ихъ сознаніе на ограниченный кругъ интересовъ, тѣмъ больше тенденціи подражать и готовности слѣдовать, очертя голову, за какимъ бы то ни было «героемъ» обнаруживала толпа. Въ этомъ отношеніи любопытный образчикъ представляетъ собою толпа средневѣковая. Она была великолѣпно «балассирована» всѣмъ экономическимъ, общественнымъ и политическимъ строемъ средневѣковья. Давши яркую характеристику этого строя, Михайловскій продолжаетъ: «Средневѣковая масса представляла, можно сказать, идеальную толпу. Лишенная всякой оригинальности и всякой устойчивости, до послѣдней возможной степени подавленная однообразіемъ впечатлѣній и скудостью личной жизни, она находилась какъ бы въ хроническомъ состояніи ожиданія героя. Чуть только мелькнетъ какой-нибудь особенный, выдающійся образъ на постоянно сѣромъ, томительно ровномъ фонѣ ея жизни—и это ужъ герой, и толпа идетъ за нимъ, готовая, однако, свернуть съ половины дороги, чтобы итти за новымъ, бросившимся въ глаза образомъ... Чтобы сдѣлаться въ ту пору героемъ, не нужно было обладать какими-нибудь специфическими чертами вожака... Сталъ человѣкъ ни съ того, ни съ сего плясать на улицѣ—и онъ герой; пошелъ освобождать гробъ Господень—герой; сталъ хлестать себя публично плетью по обнаженному тѣлу—герой; пошелъ бить жидовъ—герой и т. д., и т. д.» *).

Не мѣшаетъ кстати прибавить, что всякая толпа уже по тому одному, что она—толпа, т.-е. собраніе людей, заключаетъ въ себѣ à priori нѣчто благопріятное для проявленія склонности къ подражанію и повиновенію: въ ней «зараза» не только легко передается отъ одного индивида другому, но и растетъ, усиливается по мѣрѣ того, какъ увеличивается число зараженныхъ, а это въ свою очередь вліяетъ на остальныхъ, менѣе податливыхъ

*) «Герои и толпа», 97, 100.

и воспріимчивыхъ членовъ сборища. Нужно только, чтобы толпа была *предварительно* подготовлена, путемъ всевозможныхъ «пассовъ» и «балассированія», къ воспріятію заразы, а тамъ ужъ не трудно будетъ брошенной въ нее искрѣ разрастись въ пожаръ...

Теперь мы можемъ сказать, что такое толпа, что такое герой и каковы психо-физіологическіе основы существующихъ между ними отношеній. *Толпа,* это — покорная, спеціально препарированная для подражанія и повиновенія масса; *герой,* это—человѣкъ, владѣющій «секретомъ» гипнотизаціи; а основной психологическій моментъ въ отношеніяхъ между ними, это—гипнозъ. «Кто хочетъ властвовать надъ людьми, заставить ихъ подражать или повиноваться, тотъ долженъ поступать, какъ поступаетъ магнетизеръ, дѣлающій гипнотическій опытъ. Онъ долженъ произвести моментально столь сильное впечатлѣніе на людей, чтобы оно ими овладѣло всецѣло и, слѣдовательно, на время задавило всѣ остальныя ощущенія и впечатлѣнія, чѣмъ и достигается односторонняя концентрація сознанія; или же онъ долженъ ихъ поставить въ условія постоянныхъ, однообразныхъ впечатлѣній. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ онъ можетъ дѣлать чуть не чудеса, заставляя плясать подъ свою дудку массу народа и вовсе не прибѣгая для этого къ помощи грубой физической силы» (ibid).

Итакъ, въ ряду явленій, характерныхъ для общественной жизни людей, не маловажное мѣсто занимаетъ склонность къ подражанію и повиновенію; но склонность эта обусловливается внушеніемъ. А отсюда ужъ слѣдуетъ, что внушеніе часто играетъ роль могучаго соціальнаго фактора—выводъ, съ которымъ долженъ считаться всякій соціологъ, и который былъ прочно обоснованъ и подробно развитъ Михайловскимъ... Читатель, усвоившій основные принципы соціологическаго міровоззрѣнія Михайловскаго, навѣрное сумѣетъ связать содержаніе статей «Патологическая магія» и «Герои и толпа» съ ученіемъ о борьбѣ за индивидуальность. Связь эта установлена самимъ Михайловскимъ, и вотъ къ чему собственно она сводится.

Отвѣчая на вопросъ,—что такое индивидъ, мы, если помните, пришли къ необходимости признать существованіе различныхъ, подчиненныхъ другъ другу, ступеней индивидуальности. Индивидуальное, «единое», сказали мы, есть въ сущности «многое».

Примѣняя это общее положеніе къ человѣку, Михайловскій говорилъ: «Наше человѣческое *я* не есть что-нибудь единичное, не *я*, а *мы*; только члены этого множественнаго числа давно низведены процессомъ органическаго развитія до степени совершенно подчиненныхъ единицъ, самостоятельное значеніе которыхъ утопаетъ въ сознаніи цѣлаго...»

Въ человѣкѣ «спаяно много субъектовъ и много сознаній, которые, однако, іерархически подчинены цѣлому, сознающему махъ его воли, ограничиваетъ кругъ его духовныхъ интересовъ,— себя и предъявляющему свою волю, какъ единое, нераздѣльное *я*. Чѣмъ централизованнѣе эта единица, чѣмъ болѣе путемъ приспособленія къ спеціальнымъ, служебнымъ функціямъ подавлены входящія въ ея составъ низшія единицы, тѣмъ личность выше. Въ этой деспотической централизаціи лежитъ залогъ здоровья, счастья, нравственной высоты личности. *Наоборотъ, болѣзнь и нравственное паденіе объективно выражаются децентрализаціей нашего я, распаденіемъ индивидуальности, какъ бы возстаніемъ низшихъ индивидуальностей противъ законнаго господства цѣлаго я*» (Курсивъ мой) *). Всѣ заявленія изъ области «патологической магіи» могутъ быть, такимъ образомъ, объяснены децентрализаціей нашего *я*, оскудѣніемъ личности, пониженіемъ индивидуальности. Но и децентрализація, и оскудѣніе, и пониженіе индивидуальности являются въ результатѣ тѣхъ чувствительныхъ пораженій, которыя человѣческая личность несетъ въ борьбѣ за существованіе и въ борьбѣ съ индивидуальностями высшаго порядка. Все, что нарушаетъ правильную, строго-координированную, гармоническую работу низшихъ индивидуальностей, образующихъ личность человѣка, все, что суживаетъ формулу его жизни, односторонне направляетъ работу его мысли, парализуетъ размахъ его воли, ограничиваетъ кругъ его духовныхъ интересовъ,— все это въ большей или меньшей степени децентрализуетъ человѣческое *я* и тѣмъ самымъ создаетъ благопріятную почву для обнаруженія явленій «патологической магіи». Въ основѣ этихъ явленій, какъ мы уже знаемъ, лежитъ гипнозъ. Но онъ-же и составляетъ главную пружину въ психологіи отношеній между героями и толпой. Слѣдовательно, и эти отношенія, если не всецѣло, то въ значительной мѣрѣ обусловливаются децентрали-

*) «Патологическая магія», II, 357, 358.

заціей человѣческаго *я*, пониженіемъ его индивидуальности, оскудѣніемъ его сознанія; а все это, повторяю, получается въ итогѣ тѣхъ пораженій, которыя человѣческая личность терпитъ въ борьбѣ за существованіе и въ борьбѣ съ индивидуальностями высшаго порядка, стремящимися принизить, поработить, низвести ее на степень органа. Такимъ образомъ, принципы борьбы за индивидуальность находятъ себѣ оправданіе не только въ области «патологической магіи», но и въ психологіи «героевъ и толпы...»

Герой... Толпа... Не въ похвалу и не въ порицаніе употреблялъ Михайловскій эти выраженія. Если героемъ въ томъ смыслѣ, который придается этому слову Михайловскимъ, можетъ быть человѣкъ ограниченный, бездарный, безнравственный, но владѣющій «секретомъ» вліять на толпу и вести ее за собой на дѣло безмысленное и подлое; если толпа способна совершать подвиги высокаго благодарства, увлекаемая все тѣмъ же гипнотизеромъ, постигшимъ силу своихъ чаръ и умѣющимъ пользоваться податливостью толпы не только въ сторону зла, но и добра,— то, разумѣется, въ понятіяхъ «герои и толпа» нѣтъ по существу ни порицанія, ни похвалы. Порицаніе и похвала возможны лишь при наличности сознанія и воли въ поведеніи людей: человѣкъ, совершающій добро или зло въ состояніи гипноза, моральному суду не подлежитъ, это—банальная истина, которую даже неловко повторять .Но вотъ въ чемъ дѣло. «Толпа» Михайловскаго, низведенная условіями жизни на степень автомата, хотя бы и очень сложнаго, толпа, состоящая изъ людей съ опустошеннымъ сознаніемъ, парализованною волею, пониженною индивидуальностью, и децентрализованнымъ *я*—такая толпа крайне неустойчива во *внушенныхъ* ей симпатіяхъ и антипатіяхъ и представляетъ собою обоюдоострый мечъ въ рукахъ людей, пользующихся ея мощью во имя достиженія тѣхъ или иныхъ цѣлей. Но такъ же неустойчивъ въ своемъ величіи и герой, если онъ всего лишь юродивый, ясновидецъ, чтецъ мыслей, лжепророкъ, «святой», стигматикъ, факиръ и т. п.—словомъ, человѣкъ съ помраченнымъ сознаніемъ и децентрализованнымъ *я*: вліяніе его недолговѣчно, слава мимолетна.

Однако возможны герои и толпа съ бодрствующимъ сознаніемъ и не помраченною волею. Исторія знаетъ много такихъ

героевъ, они есть и сейчасъ, а современная дѣйствительность даетъ — къ сожалѣнію, пока еще рѣдко — примѣры того, какую могучую, творческую силу можетъ представить собою «толпа», просвѣтленная лучами сознанія и велѣніями совѣсти, сорганизованная въ нѣчто прочное не безсознательнымъ истинктомъ подражанія, «пассами» гипнотизера, не дисциплиною властной руки, яснымъ пониманіемъ своей исторической роли и ожидающихъ ее перспективъ, любовью къ ближнему и «дальнему», страннымъ желаніемъ выбиться изъ тѣхъ тисковъ, которыми «естественный ходъ вещей» сковалъ индивидуальность человѣка. Надо думать, что, вмѣстѣ съ развитіемъ человѣческой личности, вмѣстѣ съ расширеніемъ формулы ея жизни, измѣнится и самый характеръ «толпы», измѣнятся и психологическіе стимулы ея поведенія. Все стихійное—непроизвольное и неосмысленное——станетъ готовиться все дальше и дальше на задній планъ: стремленія «толпы» будутъ сознательнѣе, настроеніе устойчивѣе, тактика планомѣрнѣе и цѣлесообразнѣе. Но это, разумѣется, будетъ уже не та «толпа», о которой говорится у Михайловскаго. Герои и ихъ вліяніе также не исчезнутъ. Но это будутъ уже не «магнитизеры», а люди, надѣленные даромъ дѣйствовать на бодрствующее, критически-настроенное сознаніе и раскрѣпощенную, добрую волю. Это будетъ уже не гипнозъ, а обаяніе, аналогичное тому, которое производятъ на людей съ сильно развитымъ сознаніемъ и бодрою волею природа и искусство...

VII.

Прежде чѣмъ подвести итоги всему тому, что говорилось въ предыдущихъ главахъ, мнѣ хотѣлось бы указать на нѣкоторыя возраженія, которыя естественно возникаютъ при сколько-нибудь обстоятельномъ знакомствѣ съ общимъ міровоззрѣніемъ Михайловскаго, тѣмъ болѣе, что не всѣ эти возраженія лишены серьезнаго значенія.

Вскорѣ послѣ появленія первыхъ трудовъ Дарвина, многіе видные натуралисты—среди нихъ на первомъ планѣ выступаютъ крупныя фигуры Негели и Келликера—пришли къ тому выводу, что ученіе о борьбѣ, подборѣ и дивергенціи не объясняетъ *про-*

гресса органической жизни. И нельзя сказать, чтобы идея эта была въ корнѣ несправедлива. Въ самомъ дѣлѣ. Вѣдь теорія Дарвина есть въ сущности *о происхожденіи видовъ путемъ расхожденія признаковъ, совершающагося подъ вліяніемъ подбора, который разыгрывается на фонѣ борьбы за существованіе*. Прогрессъ, т. е. развитіе, усложненіе, совершенствованіе органическихъ формъ, есть частный и *вовсе не обязательный* выводъ изъ теоріи борьбы и переживанія наиболѣе приспособленныхъ. Безспорно, что совершенствованіе есть также приспособленіе и, въ качествѣ таковаго, можетъ возникать изъ борьбы и подбора; но не забывайте, что оно—всего лишь одна изъ многочисленныхъ формъ приспособленія, при томъ сравнительно рѣдкая и, повторяю, вовсе необязательная, въ виду безразличной тенденціи подбора, преслѣдующаго чисто практическіе интересы наиболѣе приспособленныхъ, а не наиболѣе совершенныхъ: тысячи приспособленій, возникающихъ на почвѣ борьбы и подбора, не имѣютъ ничего общаго съ прогрессомъ. Это совершенно правильная мысль была подхвачена Михайловскимъ и положена, какъ мы уже знаемъ, въ основу предложенной имъ теоріи прогресса. Но вотъ чего мы еще не знаемъ и на что слѣдуетъ обратить должное вниманіе. Идя по стопамъ Негели и Келликера, Михайловскій допускалъ, что въ живой природѣ, помимо факторовъ, указанныхъ Дарвиномъ, дѣйствуютъ и другія силы, направляющія организованную матерію по пути прогресса, независимо отъ борьбы за существованіе и подбора и даже вопреки ихъ вліянію. Онъ считалъ возможнымъ предположить, что организованная матерія надѣлена свойствомъ принимать съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе сложное строеніе. «*Въ томъ свойствѣ,—писалъ онъ,—нѣтъ ничего мистическаго.* Какъ магнитной стрѣлкѣ свойственно обращаться всегда однимъ концомъ къ сѣверу; какъ въ неорганической природѣ извѣстнымъ элементамъ свойственно группироваться только въ опредѣленныя химическія соединенія и принимать только опредѣленныя кристаллическія формы; какъ, наконецъ, въ клѣточкѣ атомы углерода, водорода, кислорода и азота обнаруживаютъ стремленіе слагаться въ болѣе и болѣе сложныя и высшія соединенія, такъ точно и самимъ клѣточкамъ свойственно сходиться все въ большомъ и большомъ числѣ и составлять все болѣе сложныя формы органической жизни. Усложеніе это состоитъ въ увеличеніи числа и разнообразія органовъ и въ усиленіи *физіо-*

логическаго раздѣленія труда, т. е. въ усиленіи обособленія и приспособленія органовъ къ спеціальнымъ отправленіямъ. Такимъ образомъ, *законъ развитія неудержимо и постоянно толкаетъ организованную матерію впередъ къ дальнѣйшему усложненію.* Подъ его вліяніемъ сумма силъ и способностей недѣлимыхъ постоянно растетъ. Дарвиновскіе же принципы подбора, борьбы и полезныхъ приспособленій болѣе или менѣе отклоняютъ жизнь отъ этого прямо прогрессивнаго пути въ разныя стороны. Они представляютъ собою вліянія пертурбаціонныя... Но въ общемъ счетѣ, въ цѣломъ, законъ развитія одерживаетъ всетаки верхъ, чѣмъ и объясняется сложность и богатство не только органической жизни вообще, а и отдѣльныхъ индивидуальныхъ ея представителей» (Курсивъ мой) *).

Это одинъ изъ слабыхъ пунктовъ въ аргументаціи Михайловскаго, и я считаю своимъ долгомъ подчеркнуть его. Михайловскій, разумѣется, правъ, находя, что теорія Дарвина недостаточна для объясненія органическаго *прогресса:* всякій кто хоть немного знакомъ съ современными теченіями въ біологіи, долженъ знать, что то же самое утверждаютъ сейчасъ и всѣ такъ называемые нео-ламаркисты. Но врядъ ли можно согласиться съ тѣмъ, что въ предполагаемомъ имъ свойствѣ организованной матеріи принимать съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе сложное строеніе «нѣтъ «ничего мистическаго». Нечего говорить, что въ самомъ фактѣ органическаго прогресса нѣтъ ничего мистическаго, ибо это — фактъ, засвидѣтельствованный геологіей и палеонтологіей. Но вѣдь задача науки, пытающейся объяснить прогрессъ органическихъ формъ, сводится къ тому, чтобы показать, подъ вліяніемъ какихъ именно факторовъ совершался этотъ прогрессъ. Считая толкованія Дарвина неудовлетворительными, Спенсеръ, напримѣръ, ставилъ совершенствованіе животнаго и растительнаго міра въ зависимость отъ постепеннаго усложенія той среды, къ которой организмамъ приходилось приспособляться въ интересахъ поддержанія своей жизни: разнообразились условія космическія, геологическія, метереологическія и біологическія, а въ связи съ усложненіемъ среды, какъ «мертвый», такъ и «живой», должны были совершенствоваться и органическія формы. Пусть

*) «Борьба за индивидуальность», II, 458, 459.

въ этомъ объясненіи много неяснаго, проблематичнаго, неубѣдительнаго, но все-же нельзя не видѣть въ немъ, по крайней мѣрѣ, попытки указать на *факторы* прогресса. Считая недостаточными толкованія Дарвина, другой ученый, знаменитый эмбріологъ Вильгельмъ Ру, написалъ свое «Der Kampf des Theile im Organismus», въ которомъ пытается доказать, что прогрессъ живыхъ формъ природы обусловливается борьбою между отдѣльными частями—молекулами, клѣтками, тканями и органами—растенія или животнаго. Считая сомнительную роль естественнаго подбора въ дѣлѣ возникновенія «высшихъ формъ жизни», нео-ламаркисты признали необходимымъ подчеркнуть значеніе для органическаго прогресса такихъ факторовъ, какъ систематическое упражненіе тѣхъ или иныхъ органовъ, наслѣдственность пріобрѣтенныхъ свойствъ, привычка, сознаніе и т. д. Тутъ мы опять-таки имѣемъ дѣло съ *объясненіями*. Удачны-ли они или нѣтъ—это ужъ другой вопросъ и не о немъ сейчасъ рѣчь. Но что представляетъ собою утвержденіе, будто жизнь прогрессировала потому, что въ организованной матеріи заложена тенденція прогрессировать, принимать съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе сложное строеніе? Въ лучшемъ случаѣ, это просто тавтологія, ничего не объясняющая и никого не удовлетворяющая. Сказать: «законъ развитія неудержимъ и постоянно толкаетъ организованную матерію впередъ, къ дальнѣйшему усложненію»—все равно, что ничего не сказать или просто констатировать фактъ, подлежащій еще объясненію.

Вѣдь съ неменьшимъ правомъ можно будетъ выставить и такое, напримѣръ, положеніе: законъ измѣнчивости неудержимо и постоянно толкаетъ организованную матерію то вправо, то влѣво къ дальнѣйшему измѣненію. Фактически оно будетъ совершенно правильно, поскольку правильно всякое констатированіе безспорнаго факта. Но что же дальше? Какое примѣненіе можно сдѣлать изъ такого общаго положенія для изученія явленій измѣнчивости и для выясненія тѣхъ факторовъ, подъ вліяніемъ которыхъ совершается трансформація организованной матеріи? Ровно никакого!..

Михайловскій, очевидно, самъ прекрасно чувствовалъ недостаточность своей аргументаціи. Иначе ему не къ чему было бы заявлять, напримѣръ, слѣдующее: «Хотя для меня далеко не безразлично, признаетъ ли читатель законъ развитія или нѣтъ, но

настаивать здѣсь на этомъ пунктѣ я не могу» (ibid). Мнѣ кажется, что по существу для Михайловскаго «не безразлично» должно быть лишь одно: чтобы читатель призналъ, во-первыхъ, самый *фактъ* органическаго прогресса, и чтобы онъ согласился, во-вторыхъ, съ тѣмъ, что теорія Дарвина и теорія развитія—совсѣмъ не одно и то же; а признаетъ ли читатель за организованной матеріей какое-то врожденное свойство, которое якобы «неудержимо и постоянно толкаетъ» ее къ дальнѣйшему развитію, или не признаетъ—это, надо полагать, совершенно безразлично и ничего не говоритъ ни за, ни противъ ученія о борьбѣ за индивидуальность, которая есть такой же безспорный фактъ, какъ борьба за существованіе и органическій прогрессъ.

Есть въ міровоззрѣніи Михайловскаго другой, болѣе существенный пунктъ, невольно наталкивающій читателя на рядъ вопросовъ первостепенной важности. Я имѣю въ виду безповоротно отрицательное отношеніе нашего писателя къ экономическому или общественному раздѣленію труда, къ кооперации *по типу сложнаго сотрудничества.*

Михайловскій великолѣпно проанализировалъ вліяніе сложнаго сотрудничества на развитіе человѣческой индивидуальности. Въ чемъ и какъ сказывается это вліяніе, мы уже знаемъ и повторяться не станемъ. Но вотъ въ чемъ дѣло. Въ воображеніи Михайловскаго рисуется такая общественная организація, въ которой устранены всѣ гибельныя для человѣческой личности послѣдствія экономическаго раздѣленія труда. Общество будущаго должно, по его мнѣнію, покоиться на принципѣ *простаго* сотрудничества. Однако мысль не можетъ успокоиться на такого рода слишкомъ ужъ общихъ и неопредѣленныхъ перспективахъ. Намъ хочется знать—въ какія формы выльется это желанное общество будущаго? Какъ реализуется въ немъ принципъ простого сотрудничества? Будетъ ли тогда совершенно устранено «общественное раздѣленіе труда» и если да, то не повлечетъ ли это за собою пониженія всей культуры, современный ростъ которой въ значительной степени обусловливается спеціализаціей труда, техническихъ и научныхъ знаній? Или, быть можетъ, придется какъ-нибудь совмѣстить выгодныя стороны сложнаго сотрудничества съ неменѣе выгодными сторонами сотрудничества простого? Вѣдь печальныя послѣдстія общественнаго раздѣленія

труда сказываются больше всего въ томъ, что личность, силою необходимости, помимо своего желанія и присущихъ ей склонностей, прикрѣпляется на всю жизнь къ какой-нибудь крайне ограниченной сферѣ дѣятельности. Быть можетъ, задача имѣющихъ притти формъ общественной организаціи къ тому и сводится, чтобы освободить личность отъ подневольнаго, до nec plus ultra, спеціализированнаго труда и предоставить ей широкій, ничѣмъ не ограниченный просторъ въ выборѣ занятій, соотвѣтственно ея вкусамъ, способностямъ и призванію? Если такъ, то тогда вѣдь сложное сотрудничество не упразднится, а будетъ лишь вставлено въ опредѣленныя рамки, уничтожающія его принудительный характеръ и парализующія его губительное вліяніе на развиттіе человѣческой личности?.. Да мало ли еще какихъ вопросовъ ни связано съ перспективами желаннаго будущаго! И на эти вопросы у Михайловскаго, къ сожалѣнію, отвѣтовъ нѣтъ. Другое дѣло—можно ли поставить ему это въ вину. Онъ всегда относился строго къ ошибкамъ исторической перспективы; а такія ошибки—вещь почти неизбѣжная во всяческаго рода пророчествахъ на счетъ соціальнаго будущаго. Нагляднымъ примѣромъ тутъ могутъ служить всевозможныя утопіи. Во всякомъ случаѣ, если Михайловскаго и можно упрекнуть въ томъ, что онъ слишкомъ ужъ неясно очертилъ *положительныя* основы будущаго общественнаго строя, то не слѣдуетъ забывать, что и такъ называемый «научный соціализмъ» страдаетъ такимъ же самымъ недочетомъ.

Вотъ, наконецъ, еще одинъ пунктъ, на который не мѣшаетъ обратить должное вниманіе при оцѣнкѣ соціологическаго міровоззрѣнія Михайловскаго.

Если общество и личность представляютъ собою двѣ враждебныя ступени индивидуальности, если развитіе одной изъ нихъ идетъ въ ущербъ развитію другой, то не слѣдуетъ ли отсюда, что полнѣйшій, всесторонній расцвѣтъ личности возможенъ лишь при окончательномъ пораженіи общества, какъ цѣлаго? Или, говоря иначе, не является ли отрицаніе общества (анархизмъ) логически необходимымъ выводомъ изъ ученія о борьбѣ за индивидуальность? Насколько мнѣ извѣстно, нѣкоторые теоретики анархизма приходятъ къ отрицанію общества именно потому, что не считаютъ возможнымъ примирить интересы автономной личности

съ какими бы то ни было замкнутыми, регламентированными формами общественной организаціи. Для нихъ, какъ, напримѣръ, и для Спенсера—индивидуалиста съ несомнѣнно буржуазною складкою мысли—соціализмъ представляется въ видѣ «грядущаго рабства», при которомъ узы капитализма должны будутъ смѣниться всего лишь новыми, пожалуй, болѣе утонченными формами узъ—не экономическихъ, конечно, а юридическихъ и духовныхъ. Они, какъ огня, боятся «пепельно-сѣраго костюма равенства», въ который общественная организація будущаго якобы собирается принарядить все человѣчество. Что принесетъ съ собою эта самая «организація будущаго» въ смыслѣ «грядущаго рабства»,—объ этомъ судить трудно. Несомнѣнно, что конфликта между личностью и обществомъ она всецѣло не устранитъ; но еще несомнѣннѣе, что она покончитъ разъ навсегда съ тысячью тѣхъ узъ и цѣпей, которыми сейчасъ скована человѣческая индивидуальность. Что же касается борьбы за индивидуальность въ томъ смыслѣ, какъ понималъ ее Михайловскій, то нужно замѣтить, что отрицаніе общества совсѣмъ не входитъ въ ея разсчеты. Напротивъ, «всесторонне и гармонично развитая личность» Михайловскаго есть прежде всего *соціальный* человѣкъ, человѣкъ *въ* обществѣ, а не *внѣ* общества, человѣкъ, пользующійся всѣми благами нормальнаго общественнаго строя, а вовсе не отрѣшенный отъ какихъ бы то ни было формъ кооперации. Мы знаемъ, какъ высоко ставилъ Михайловскій роль сочувственнаго опыта въ дѣлѣ развитія личности; мы знаемъ, что онъ придавалъ громадное значеніе опредѣленнымъ формамъ кооперации, при помощи которыхъ личность получаетъ возможность отстаивать свою индивидуальность въ борьбѣ съ внѣшними условіями и посягательствомъ на ея права со стороны другихъ личностей и цѣлаго ряда индивидуальностей высшаго порядка; мы знаемъ, наконецъ, что онъ настаивалъ лишь на необходимости *приспособлять* общественныя формы къ запросамъ личности, стремящейся къ полному самоопредѣленію. Вѣроятно, что, во имя интересовъ личности, людямъ придется распроститься со многими изъ тѣхъ *соціальныхъ цѣнностей*, которыми сейчасъ они еще такъ дорожатъ; возможно, что имъ придется отказаться и отъ цѣлаго ряда *моральныхъ цѣнностей*, съ которыми современный человѣкъ настолько сроднился, что не можетъ даже допустить и мысли о ихъ ненужности; очень и очень вѣроятно, что многіе

изъ современныхъ идеаловъ должны будутъ посторониться предъ побѣдоноснымъ шествіемъ мятежной, томимой нескончаемою жаждою обновленія, человѣческой личности. Все это возможно, но до отрицанія общества отсюда еще очень далеко: *только въ обществѣ и чрезъ посредство общества* человѣкъ сумѣетъ добиться возможно полнаго раскрѣпощенія своей индивидуальности — таковъ, по крайней мѣрѣ, на мой взглядъ, основной смыслъ всѣхъ писаній Михайловскаго...

IX.

Передъ нами прошелъ рядъ наиболѣе крупныхъ работъ Михайловскаго. Всѣ онѣ представляютъ собою различныя грани одного и того же строя идей, самостоятельные отдѣлы громаднаго теоретическаго зданія, отличающагося глубиною мысли, строгимъ выборомъ и прочностью строительнаго матеріала.

Основы соціологическаго міровоззрѣнія Михайловскаго были заложены еще въ статьѣ «Что такое прогрессъ». Идеи этого общественно-философскаго трактата красною нитью проходятъ черезъ всѣ научныя и публицистическія работы нашего выдающагося мыслителя. Имъ пришлось пройти черезъ горнило самыхъ разнообразныхъ и тяжелыхъ испытаній, обусловливаемыхъ колеблющимся и измѣнчивымъ развитіемъ русской общественной мысли. Чѣмъ только ни увлекалась интеллигентная Русь за этотъ долгій періодъ времени, пока Михайловскій стоялъ «на славномъ посту», высоко и твердо держа въ рукахъ дорогое ему знамя съ девизомъ: все для человѣка, все во имя освобожденія его отъ всевозможныхъ путъ и цѣпей! Сначала это былъ матеріализмъ, распустившійся на развалинахъ ultra-идеалистической натурфилософіи; почти одновременно съ нимъ пришелъ и дарвинизмъ, пытавшійся наложить свою властную руку на соціологію и дать упрощенное рѣшеніе вопросовъ, волновавшихъ общественную мысль; затѣмъ настала полоса дѣйственнаго отношенія къ жизни, героическій періодъ бури и натиска на обветшалыя формы русской дѣйствительности, когда идеи Михайловскаго служили яркимъ свѣточемъ, вдохновлявшимъ нашу интеллигенцію и направлявшимъ ее по пути къ завоеванію узурпированныхъ правъ личности: но сила и боевая готовность сцѣпившихся не на жизнь,

а на смерть враговъ оказались далеко не равными: одухотворенная мыслью и крѣпкая волей, кучка самоотверженныхъ «терсевъ» должна была сойти со сцены. Настало затишье, мертвая зыбь. Встрепенулись вновь ихтіозавры и мастодонты реакціи, зашипѣли змѣи, прослезились крокодилы, заневеличилась свободнѣе всяческая мразь и нечисть отечественная. Это были тяжелые, сѣрые, гнетущіе восьмидесятые годы.

Дни сомнѣній ядовитыхъ,
Злыхъ вопросовъ, мрачныхъ думъ,
Отъ которыхъ сохнетъ сердце,
Стынетъ кровь, мятется умъ...

Въ атмосферѣ стоялъ сдержанный гулъ голосовъ, приниженно и стыдливо твердящихъ на тысячу ладовъ: «наше время — не время широкихъ задачъ»; послышался мѣщански-пошлый призывъ къ маленькимъ, но полезнымъ дѣламъ»; раздалась проповѣдь «непротивленія злу», затянулась старая, какъ міръ, пѣсенка о личномъ самосовершенствованіи «въ кельѣ подъ елью». А старый знаменосецъ съ посеребрившейся отъ горькой думы головой продолжалъ по прежнему стоять на своемъ «славномъ посту», выпрямившись во весь ростъ и властно призывая подъ стягъ свой смущенныхъ неудачею и объятыхъ паникой согражданъ. Жизнь шла, однако, своимъ чередомъ впередъ. Сквозь мрачную, тяжелую атмосферу, насыщенную равнодушіемъ и филистерскимъ пустозвонствомъ, засвѣтили новыя искры. Казалось, вотъ-вотъ онѣ разгорятся въ яркое пламя. То надвигалась волна русскаго марксизма. Однако приверженцы его зашли слишкомъ далеко въ своемъ увлеченіи «новыми словами»; ихъ они противопоставили «забытымъ словамъ» своихъ предшественниковъ, легкомысленно отказываясь отъ наслѣдства, накопленнаго трудами «отцовъ», заживо предавая землѣ послѣднихъ, искажая и понося ихъ идеалы... Но, испытавшій на своемъ вѣку не мало всяческихъ стычекъ и закаленный въ бояхъ, знаменосецъ не выпустилъ знамени изъ рукъ и не склонилъ его покорно къ ногамъ зарвавшихся враговъ-друзей. Нѣтъ—онъ, какъ всегда, предпочелъ остаться «на славномъ посту»...

Пронеслось и это испытаніе... Однако посѣдѣвшему въ идейныхъ битвахъ вождю пришлось на склонѣ дней своихъ услышать еще одно, самое новое изъ новыхъ словъ. Вслѣдъ за марксистами явились гг. идеалисты. Этимъ ужъ недостаточно «новыхъ словъ»:

имъ нуженъ «новый путь», ибо для нихъ, повидимому, всѣ старые пути на столько использованы, такъ сильно обветшали, что двигаться по нимъ и тѣсно, и зазорно. Къ сожалѣнію, старому вождю не удалось, какъ слѣдуетъ, потолковать съ «идеалистами»: начавшійся турниръ былъ грубо оборванъ безжалостной рукой смерти...

Да, много трудныхъ минутъ пришлось пережить идеямъ Михайловскаго. Но онъ смѣло и побѣдоносно провелъ ихъ цѣлыми и невредимыми сквозь строй враждебныхъ общественныхъ и философскихъ настроеній.

Если бы кому пришла охота характеризовать въ двухъ словахъ міровоззрѣніе Михайловскаго, то, думается, что правильнѣе всего было бы назвать его *соціалъ-индивидуалистическимъ*. Оно по духу и концепціи сильно отличается отъ міровоззрѣнія и соціалъ-демократовъ, и нашихъ неоидеалистовъ.

Центральный пунктъ ортодоксальнаго марксизма гласитъ: всякая идеологія опредѣляется характеромъ экономическихъ—производственныхъ отношеній; или, выражаясь модною, претендующею на философское глубокомысліе, терминологіей: *сознаніе всецѣло опредѣляется бытіемъ*. Отсюда — пресловутое «матеріалистическое пониманіе исторіи», выдаваемое за единственно научный «монистическій взглядъ на нее. Вся эта «философія исторіи», соблазнившая не мало догматически настроенныхъ умовъ и покорившая не мало пылкихъ сердецъ, встрѣтила со стороны Михайловскаго энергичный отпоръ. «Сознаніе всецѣло опредѣляется бытіемъ», это — не формула, доказанная анализомъ фактовъ, это— *символъ вѣры!* Вѣдь съ такимъ же, если не съ большимъ, правомъ можно выставить, какъ это и дѣлаютъ идеалисты, діаметрально противоположную формулу: *бытіе всецѣло опредѣляется формами нашего сознанія*! Михайловскій, однако, не ухватился за этотъ спасительный лозунгъ, которымъ не разъ ужъ отбивался матеріализмъ, не ухватился потому, что и здѣсь, какъ всегда, онъ предпочелъ не касаться «метафизики» занимающаго его вопроса. Онъ утверждалъ, что *сознаніе есть часть бытія* и, наряду съ остальными элементами его, *надѣлено самостоятельною творческою ролью*. Въ противовѣсъ ортодоксамъ, ставящимъ весь историческій процессъ въ причинную связь съ матеріальными—экономическими производствами — условіями жизни, Михайловскій

не разъ указывалъ на *многообразіе и взаимодѣйствіе факторовъ*, перекрещивающихся и безконечно переплетающихся, подъ вліяніемъ которыхъ такъ или иначе складывались историческія судьбы народовъ. Онъ придавалъ громадное значеніе экономическому фактору, но не признавалъ за нимъ исключительной, универсальной роли во всѣхъ событіяхъ исторіи. Въ этомъ—одинъ изъ существенныхъ пунктовъ его разногласій съ экономическими матеріалистами.

Затѣмъ, Михайловскій отдавалъ должное тѣмъ элементамъ человѣческой психологіи и идеологіи, которые отмѣчены печатью кастовыхъ, сословныхъ и классовыхъ интересовъ; онъ не отрицалъ антагонизма и противорѣчія этихъ интересовъ. Напротивъ, онъ самъ не мало потрудился съ цѣлью констатировать наличность такого антагонизма и объяснить его мотивы. Но высшимъ критеріемъ въ оцѣнкѣ общественныхъ явленій для него служили не интересы какого-либо класса, какой-либо группы, а идея всесторонне, гармонично развитой человѣческой личности. И въ этомъ—второй существенный пунктъ разногласій Михайловскаго съ ортодоксами.

Еще дальше. Личности, какъ соціальной единицы, какъ творческой исторической силы, марксизмъ, собственно говоря, не признаетъ. Для него вся динамика общественной жизни, вся та великая драма, имя которой—всемірная исторія, сводится къ столкновенію, борьбѣ, побѣдамъ и пораженіямъ классовыхъ интересовъ: дѣйствующими лицами тутъ оказываются только массы. Михайловскій видѣлъ прекрасно, какъ велико значеніе массъ въ «дѣлать исторіи». Однако это не давало ему никакого повода совершенно обезцѣнивать историческую роль, во-первыхъ, «критически мыслящихъ личностей», а во-вторыхъ, героевъ, не только въ условномъ, но и въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Тутъ сказался третій существенный пунктъ его разногласій съ марксистами.

Наконецъ. Общественная организація будущаго, къ которой стремятся идеологи пролетаріата, считая ее за *конечную цѣль* всѣхъ своихъ помысловъ, не представлялась Михайловскому какой-то панацеей отъ всякой скверны, тяготѣющей надъ личностью современнаго человѣка. Онъ придавалъ этой организаціи громадное значеніе, но лишь постольку, поскольку она является *средствомъ* къ освобожденію личности отъ экономическаго рабства

и отъ цѣлаго ряда правовыхъ, общественныхъ и политическихъ институтовъ, связанныхъ съ капиталистическимъ строемъ. Михайловскій никогда не могъ согласиться съ самоувѣреннымъ утвержденіемъ ортодоксовъ, будто *только* пролетаріатъ способенъ всецѣло проникнуться «идеологіей будущаго», будто *только* ему одному дано понять и оцѣнить всѣ тѣ блага, которыя связаны съ «идеологіей будущаго», что соціальныя перспективы, рисующіяся въ воображеніи идеологовъ пролетаріата, доступны пониманію всѣхъ трудящихся слоевъ общества, всѣхъ эксплуатируемыхъ, униженныхъ, обобранныхъ и искалѣченныхъ «естественнымъ ходомъ вещей», разъ только сознаніе ихъ въ должной степени просвѣтлено, и что, наконецъ, къ эмансипаціи трудящихся массъ отъ экономическаго, соціальнаго и политическаго рабства самоотверженно стремится внѣклассовая интеллигенція. Считая будущую организацію общества всего лишь *средствомъ*, при томъ далеко не всеисчерпывающимъ, въ борьбѣ человѣческой личности за свою индивидуальность, ставя интересы человѣка выше интересовъ какого-бы то ни было класса, хотя бы и «четвертаго», Михайловскій естественно долженъ былъ отнестись отрицательно къ нѣкоторымъ идеямъ русскихъ соціалъ-демократовъ, хотя и признавалъ ихъ практическую дѣятельность, поскольку она служитъ дѣлу эмансипаціи личности отъ узъ капитализма со всѣми связанными съ нимъ общественными и политическими «надстройками»...

«Свобода личности—вотъ программа всѣхъ программъ, выше которой нѣтъ ничего, общѣе которой нѣтъ ничего, священнѣе которой нѣтъ также ничего».

«Безусловное уваженіе къ человѣческой личности, къ ея автономіи, къ ея праву на самоопредѣленіе—вотъ основная черта развиваемой нами этической точки зрѣнія»...

«Человѣкъ есть «разностное существо», и онъ не долженъ терпѣть нивеллировки, долженъ протестовать противъ попытки вымуштровать его по одному шаблону, сдѣлать изъ него «хориста», обратить его въ полезный для стада экземпляръ, какими бы «общественными благополучіями» эти посягательства ни прикрывались»...

«Свобода и права личности выше всякой власти, хотя бы то была власть народа, выше всякихъ желаній и интересовъ, хотя бы и рабочаго класса».

«... Предательство принциповъ свободы, такъ нагло совершенное въ Западной Европѣ, должно найти въ насъ самый рѣшительный отпоръ. Но мы должны итти еще дальше тѣхъ, которые этотъ отпоръ готовятъ, мы не должны допустить, чтобы духовная свобода и сознаніе конечныхъ (?) цѣлей жизни были преданы, были промѣнены на соціальное благополучіе, чтобы

мы оказались духовно-нищими въ тотъ часъ, когда придетъ къ намъ соціальное обновленіе»...

Кому могли бы принадлежать всѣ эти мысли? Не Михайловскому ли? Да, отъ нихъ такъ вѣетъ духомъ Михайловскаго. Вспомните тѣ строки изъ статьи его «Патологическая магія», гдѣ говорится о томъ, что человѣкъ долженъ отстаивать свои права отъ посягательствъ высшихъ ступеней индивидуальности, «какими бы внешними именами онѣ ни назывались»; и что только такая точка зрѣнія на позицію человѣка въ борьбѣ за индивидуальность заслуживаетъ названія гуманной и «приличествуетъ человѣческой мысли». Вспомните... А впрочемъ, къ чему тутъ вспоминать отдѣльныя мѣста, когда мысль эта ярко выступаетъ во всѣхъ главнѣйшихъ работахъ Михайловскаго. И тѣмъ не менѣе только что цитированныя строки принадлежатъ не ему, а его... принципіальнымъ *противникамъ*, которые, по собственному ихъ заявленію, ушли далеко впередъ отъ своего «первоначальнаго» учителя, *переросли* «его». Кто жъ они, эти счастливцы, лишь «въ дни ранней юности» увлекавшіеся Михайловскимъ, а нынѣ обогнавшіе своего учителя, и вдругъ—послѣ цѣлаго ряда грубыхъ и несправедливыхъ выходокъ противъ него—почувствовавшіе желаніе «положить вѣнокъ на могилу» того, кого они великодушно признаютъ теперь не только противникомъ, но и «своимъ другомъ и отцомъ?» Это, читатель, наши нео-идеалисты съ гг. Н. Бердяевымъ и С. Булгаковымъ во главѣ, это авторы «Проблемъ идеализма», а потомъ сотрудники журналовъ «Новый путь», «Вопросы жизни». Выдержки, приведенныя выше, принадлежатъ перу С. Булгакова и Н. Бердяева, и взяты онѣ изъ «Проблемъ идеализма» и октябрьскаго номера журнала «Новый путь» за 1904 годъ. Судя по этимъ выдержкамъ, да и вообще по всему тому, что пишутъ наши идеалисты о «свободѣ и неотъемлемыхъ правахъ личности»—а пишутъ они на эту тему горячо, нерѣдко въ приподнятомъ тонѣ,—судя по всему этому, слѣдовало бы считать ихъ убѣжденными индивидуалистами и... послѣдователями Микайловскаго. Но мы знаемъ уже, что они «ушли отъ своего первоначальнаго учителя, переросли его». Да, «ушли»... назадъ, къ ученію о какомъ-то «метафизическомъ существѣ личности» *), о «внѣвременномъ и внѣ-

*) Всѣ слова и фразы, поставленныя здѣсь и дальше въ кавычкахъ, взяты изъ статей Н. Бердяева: «Этическая проблема въ свѣтѣ философска-

пространственномъ конкретномъ духѣ»; да, «переросли»... въ сторону мистики и—пусть простятъ мнѣ гг. идеалисты эту неделикатность—порою витіеватаго праздноболтанія.

Однако, пусть «ушли», пусть «переросли»: мнѣ кажется, что ученикамъ, послѣдователямъ и единомышленникамъ Михайловскаго не приходится завидовать такого рода успѣхамъ. И вотъ почему *мнѣ лично* это кажется.

Сторонники Михайловскаго, насколько мнѣ извѣстно, не фантазируютъ на тему о соединеніи «эмпирическаго *я* съ *я* универсальнымъ», о «синтезѣ идеи богочеловѣка и человѣка-бога», смиренно признавая себя неспособными проникнуть въ міръ универсальностей и постигнуть «идеалъ окончательнаго совершенства», ибо считаютъ такія фантазіи дѣломъ празднымъ да и просто неинтереснымъ.

Они очень и очень сомнѣваются въ томъ, что «міръ имѣетъ нравственный смыслъ, и что индивидуальная жизнь находится въ неразрывной нравственной связи съ жизнью универсальной, съ міропорядкомъ»; для признанія всѣхъ этихъ сентиментальностей высшаго порядка у такъ называемыхъ «позитивистовъ» не имѣется никакихъ данныхъ, если не считать тѣхъ, которыя могутъ быть почерпнуты изъ неистощимаго кладезя необузданной фантазіи.

Они не вѣрятъ въ существованіе «внѣвременнаго и внѣпространственнаго конкретнаго духа, изъ природы и общества невыводимаго», считая всѣ такого рода заявленія претенціознымъ набоpомъ словъ, смыслъ которыхъ теменъ какъ для тѣхъ, кто ихъ на досугѣ измышлялъ, такъ и для «эмпириковъ», признающихъ личность человѣка «соціально-біологическимъ образованіемъ», а не «вѣчнымъ духомъ», соприкасающимся въ сверхразумной полнотѣ своей съ существомъ міра».

Они не ставятъ своей задачей реализовать «идеалы міра», ибо имъ, ограниченнымъ своимъ «эмпирическимъ содержаніемъ», извѣстны лишь идеалы человѣка, опять-таки эмпирическаго, дѣйствительнаго, а не «внѣвременнаго и внѣпространственнаго».

Они не думаютъ, что нравственный законъ по своей природѣ принадлежитъ «царству свободы», ибо и его относятъ къ «царству

го идеализма» («Проблемы идеализма») и «Философія и жизнь» («Новый путь». Октябрь, 1904 г.).

необходимости», равно какъ не думаютъ и того, что зло есть лишь «эмпирическая видимость», «недостаточная реализація добра»: закоренѣлые адепты «традицій и предразсудковъ позитивизма», неисправимые «раціоналисты», презирающіе отъ всей души идейную эквилибристику и словесный спортъ, они не вѣрятъ ни въ независимость «категоріи должнаго» отъ «сущаго», ни въ доказуемость «метафизическаго отрицанія зла» уже по одному тому, что «метафизически» зло можетъ быть съ такимъ же правомъ отрицаемо, какъ и утверждаемо.

Они, разумѣется, не согласятся признать существованіе какого-то «трансцендентнаго, мистическаго, разрывающаго всѣ грани и разрушающаго всѣ стѣны опыта», ибо имъ, получившимъ презрительныя клички эмпириковъ, позитивистовъ и раціоналистовъ, извѣстенъ лишь опытъ «условный, заключенный въ пространственно-временную темницу».

Они совсѣмъ не склонны думать, что «будущее принадлежитъ мистицизму», что соціальная демократія можетъ создать какую-то тамъ «самую тонкую духовную аристократію» для осуществленія «мистическихъ цѣлей человѣческой жизни, которыя отрицаетъ нашъ малый, ограниченный разумъ, но признаетъ нашъ большой, безконечный разумъ», ибо скромно оставляютъ въ своемъ распоряженіи лишь «нашъ малый, ограниченный разумъ» и уступаютъ всецѣло гг. идеалистамъ «разумъ большой, безконечный».

Они, наконецъ, возвращаютъ гг. идеалистамъ полностью и обвиненіе въ томъ, будто Михайловскій всю свою жизнь защищалъ «личность безличную, безкрасочную, отвлеченную, общую»: это вѣдь дѣло метафизиковъ защищать все безкрасочное, безкровное, безплотное—имъ, значитъ, и книги въ руки. Чтущимъ же свято завѣты нашего писателя-гражданина остается лишь одно: бороться и бороться, не покладаючи рукъ своихъ, во имя того запуганнаго, загнаннаго, замученнаго пытками, обливающагося потомъ, одѣтаго кожею и мясомъ *человѣка*, котораго *всю свою жизнь защищалъ* Николай Константиновичъ Михайловскій!..

YC 73

Изданія книгоиздательства „Молодая Россія“.

Москва, Б. Бронная, д. Аничкова, № 1, кв. № 2. Телефонъ № 122-75.

К. Качоровскій. Народное право. 90 коп.

Серія подъ редакціей А. Рудина и С. Нечетнаго.

Вышли въ свѣтъ.

Л. Шишко. Къ вопросу объ аграрной программѣ. 10 к.
Подолянинъ. Классовая пролетарская борьба. 2-е изд. 10 к.
М. Рафаиловъ. О критикѣ и догмѣ, теоріи и практикѣ. 7 к.
В. Черновъ. Къ теоріи классовой борьбы. 10 к.
К. Тарасовъ. Міровой ростъ и кризисъ соціализма. 10 к.
И. Грей. Рабочій вопросъ и земельная реформа. 25 к.
П. Вихляевъ. Аграрный вопросъ съ правовой точки зрѣнія. 20 к.
Н. Максимовъ. Къ критикѣ марксизма. 10 к.
А. Рудинъ. На ту же тему. (Еще объ аграрныхъ экскурсіяхъ россійскихъ соціаль-демократовъ). 20 к.
Л. Шишко. Рабочее движеніе и его аграрная программа въ Германіи. 20 к.
П. Вихляевъ. Право на землю. 10 к.
Фр. Энгельсъ. Крестьянскій вопросъ во Франціи и Германіи. Съ предисловіемъ **Р. Росса.** 18 к.
П. Лавровъ. Знаніе и революція. Съ портр. автора. 10 к.
А. Б—ій. Что такое народовластіе. 4 к. (Попул. библ.).
Н. М. На войну. (Изъ зап. книжки запаснаго солдата). 4 к. (Поп. б.).
Н. Максимовъ. Праздникъ труда. 3 к. (Попул. библ.).
Ш. Горцевъ. Какъ грузинскіе крест. борются за свободу. (Поп. б.). 2 к.
В. Панкратовъ. Жизнь въ Шлиссельбургской крѣпости. 30 к.
П. Поливановъ. „Кончился“. Разск. Съ портр. и біогр. авт. 8 к.
Амари. Стихотворенія. 10 к. (Распр.).
Ѳ. Сибирскій. Очередной вопросъ. (Объ аграрн. программахъ). 8 к.
Сергѣй Обуховъ. Не въ моготу. 9 к. (Попул. библ.).
В. Лункевичъ. Н. К. Михайловскій. Съ портретомъ. 25 к.

Печатаются.

М. Ратнеръ. Аграрный вопросъ и соціалъ-демократія.
Подолянинъ Современный анархизмъ.
Ш. Андлеръ. Комментаріи къ Коммун. Манифесту.
И. Черновъ. Луи-Бланъ.
Любомудровъ. Крестьянская доля.
Зиминъ. Нужда крестьянская. (Попул. библ.).
Дм. Самойловъ. О безработицѣ. (Попул. библ.).

Условія: Выписывающіе на сумму не менѣе 3 рублей за пересылку не платятъ. Книжные магазины въ складѣ и его отдѣленіяхъ пользуются скидкой въ 25%. При заказахъ по московскому адресу на сумму не менѣе 25 руб. пересылка по жел. дорогѣ (въ пред. Европ. Россіи) принимается на счетъ издательства. Требованія изъ тѣхъ городовъ, гдѣ имѣются отдѣленія, въ главномъ складѣ не исполняются.

Складъ изданій: Москва, Большая Бронная, д. Аничкова, № 1, кв. № 2.

Отдѣленія склада: С.-Петербургъ: Кн. скл. „Библіотечное дѣло“ Невскій, 42. Кн. маг. В. П. Кранихфельдъ, Англійскій пр., № 40. — **Кіевъ:** Кн. складъ А. А. Соколовскаго, Крещатикъ, 42.—**Харьковъ:** Кн. маг. при „Обществ. Библіотекѣ“.—**Одесса:** Кн. складъ Я. Р. Вугмана, Елизаветинская, 4.—**Саратовъ:** Кн. маг. „Новь“ П. С. Феокритова.—**Самара:** Кн. маг. Е. С. Ивановой, Саратовская ул.—**Н.-Новгородъ:** Кн. маг. „Новь“, Осыпная, 14.—**Смоленскъ:** Кн. маг. „Молодая Россія“, Благовѣщенская ул.—**Казань:** Контора „Крестьянской газеты“, 2 я Академическая.—**Баку:** Кн. маг. „Сотрудникъ“ М. А. Сундукіанцъ.—**Тифлисъ:** Кн. скл. бывш. О. Кайдановой, Кирочная, 6.—**Курскъ:** Кн. маг. „Народная Польза“ Е. Сапуновой.—**Архангельскъ:** Кн. контора И. К. Максимова.—**Вильно:** Кн. складъ Знаніе“, Георгіевскій пр., 14.

Gaylamount
Pamphlet
Binder
Gaylord Bros., Inc.
Stockton, Calif.
T. M. Reg. U. S. Pat. Off.

YC 73

U. C. BERKELEY LIBRARIES
C043188851

M21996

THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY